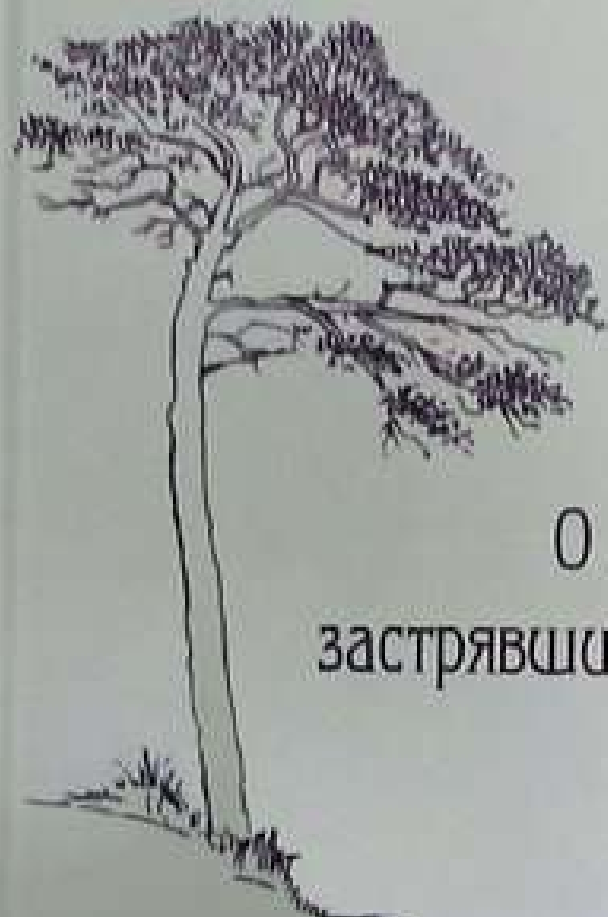

СЛОВО О ЯНТАРЕ

Даниэль Херман

О Лягушке и Ящерице,
застрявших в прусском янтаре

Слово о янтаре

Министерство культуры
Калининградской области

Даниэль Херман

О ЛЯГУШКЕ И ЯЩЕРИЦЕ, ЗАСТРЯВШИХ В ПРУССКОМ ЯНТАРЕ

Под редакцией И.А. Поляковой

Калининград
2014

УДК 82.1+008 (091)

ББК 84 (2Рос=Нем)

X39

Издание реализовано в рамках целевой программы Калининградской области «Развитие государственного бюджетного учреждения культуры «Калининградский областной музей янтаря» и культурно-образовательного сектора янтарной отрасли (2012—2014 годы)».

Рецензенты:

В.Х. Гильманов, д-р филол. наук, проф. (Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта)

И.С. Дмитриев, д-р хим. наук, проф. (Санкт-Петербургский гос. ун-т)

В.И. Матузова, канд. филол. наук, ст. н. с. (Институт всеобщей истории РАН)

Редакционная коллегия:

И. О. Дементьев, Н. Н. Мартынюк, И. А. Полякова (отв. ред.),

А. В. Сивкова, Т. Ю. Суворова, Л. В. Сыроватко

Херман, Даниэль

X39 О лягушке и ящерице, застрывших в прусском янтаре / под ред. И. А. Поляковой ; науч. ред. И. О. Дементьев / Калининградский областной музей янтаря. — Калининград, 2014. — 160 с., [8] л. ил. — (Серия «Слово о янтаре»).

ISBN 978-5-903920-33-4

Читателю представлен перевод поэмы гуманиста второй половины XVI века Даниэля Хермана. Издание предназначено специалистам в области культурологии, филологии, истории науки.

УДК 82.1+008 (091)

ББК 84 (2Рос=Нем)

ISBN 978-5-903920-33-4

© Калининградский областной музей янтаря, 2014

© Сыроватко Л.В., переводы с латинского языка, 2014

Как сосны
хранят образ ветра,
когда он промчался и нет его, —
так слова
сохраняют образ человека,
когда он миновал и нет его.

Йоргос Сеферис. На подмостках

Перевод с греческого М. Гаспарова

**«Слово о янтаре» — издательский
проект Калининградского
областного музея янтаря**

В 2014 году Калининградскому музею янтаря исполнилось 35 лет. На протяжении всего этого времени фонды музея пополнялись новыми материалами, посвященными балтийскому самоцвету и обогащающими экспозицию.

Однако заинтересованный посетитель, очарованный блеском солнечного камня и потрясенный изобилием этого удивительного по своему разнообразию создания природы, в то же время обратит внимание на недостаточную изученность поэтических, научных и религиозных текстов о янтаре.

Очевидна необходимость восполнить пробел, ввести недостающую информацию в научный оборот и отразить ее в экспозиции музея.

Идея настоящего издательского проекта, получившего название «Слово о янтаре», — рассказать об авторах, писавших о янтаре в разное время и в разных странах, и опубликовать их сочинения на русском языке, снабдив комментариями, биографическими и культурологическими очерками.

Очень хотелось бы, чтобы у новой инициативы музея была долгая жизнь.

Татьяна Суворова,
директор Калининградского областного
музея янтаря

О янтаре писали греческие поэты и римские историки, средневековые алхимики и врачи-гуманисты эпохи Возрождения, ученые-экспериментаторы Нового времени и ученые-археологи XIX—XX веков. В определенные времена эта тема обретала особое звучание. Так, во второй половине XVI века, в значительной степени благодаря инициативам прусского герцога Альбрехта, янтарь стал объектом пристального внимания в различных сферах общественной жизни Германии. В результате были осуществлены эко-

номические реформы, способствовавшие продвижению минерала на европейский рынок; на прусский янтарь как сырье для многочисленных лекарственных препаратов обратили внимание фармацевты и врачи разных стран; появились книги, посвященные специально янтарю.

В XVII—XVIII веках в стенах немецких университетов защищаются многочисленные диссертации на тему производных янтаря, особенно янтарного масла. В научных исследованиях ставятся задачи систематического изучения природы минерала с требованием подтверждения его данными экспериментов, в результате чего развенчиваются многие мифы о природе янтаря, составлявшие постулаты научного знания предшествующих эпох.

Начиная с XIX века в Германии тема янтаря получает четкий идеологический акцент в концепции Пруссии как древней Страны Янтаря (*Bernsteinland*), «Библейского Парадиза», рассматриваемой в качестве основы для разработки национальной мифологии государства. Мотив янтаря как «прусского золота» усиливается впоследствии в идеологической доктрине Третьего рейха.

Слово о янтаре звучало не только в Германии, но также в Англии и Дании, Италии и России. Вторая половина XIX века в развитии темы янтаря важна

вниманием к проблеме реконструкции древних янтарных маршрутов, не утратившей своей актуальности до настоящего времени.

Стихи и религиозные трактаты, лапидарии и гербарии, фармакопейные статьи и повествования в жанре естественной истории, объединенные темой янтаря, несут на себе отпечаток личности их создателей и особенностей культуры своего времени. Наше обращение к ним связано не только с огромным интересом к текстам различных жанров о янтаре, но и к людям, которые их создавали.

Кто были авторы, писавшие о янтаре? Чем привлекал их внимание «золотой кристалл», «солнечный камень»? Об этом расскажут книги серии «Слово о янтаре», приглашая читателя думать, сравнивать, исследовать, удивляться, спорить и, возможно, создавать собственные произведения.

Ирина Полякова,
ответственный редактор серии,
главный научный сотрудник
Калининградского областного музея янтаря

Предисловие

Настоящая книга серии «Слово о янтаре» знакомит читателя с произведением прусского поэта Даниэля Хермана, имя которого мало о чем говорит большинству из наших современников¹. Это особый случай, когда теме янтаря посвящена целая поэма, и данное сочинение впервые издается на русском языке.

Редакционная коллегия выражает признательность старшему преподавателю кафедры гебраистики Петербургского института иудаики (Санкт-Петербург) *Анне Вячеславовне Желонкиной*, взявшей на себя нелегкий труд прозаического перевода поэмы. За высокопрофессиональные консультации в ходе научной редакции текста мы благодарим старшего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН (Москва), кандидата филологических наук *Веру Ивановну Матузову*, доктора химических наук, директора Музея-архива Д. И. Менделеева СПбГУ, профессора

кафедры философии науки и техники Института философии СПбГУ (Санкт-Петербург) *Игоря Сергеевича Дмитриева*, а также филолога-латиниста, главного библиотекаря Латвийской национальной библиотеки (Рига) *Лауру Крейгере-Лиепиню*, за безвозмездное предоставление иллюстративных материалов — директора Академической библиотеки Латвийского университета *Венту Коцере*, а также доктора филологии, главного библиотекаря *Айю Тайминю*.

В подготовке издания, установлении контактов с латвийскими специалистами, занимающимися творчеством Даниэля Хермана, и получении необходимых для работы материалов очень важна была помощь наших коллег из Музея истории медицины им. П. Страдыня (Рига): главного специалиста *Артиса Эрглиса* и заместителя директора по научной работе профессора *Юриса Салакса*.

Перевод и комментарии подготовлены на основе сопоставления трех изданий поэмы (1583, 1593, 1600), осуществленных при жизни автора, а также ее версии в полном собрании сочинений Хермана (1614—1615), изданном вдовой поэта после его смерти. Все фрагменты, отличающиеся от издания 1583 года, заключены в квадратные скобки либо снабжены специальными примечаниями.

И. А. Полякова

КРАТКИЙ ОЧЕРК
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ
ДАНИЭЛЯ ХЕРМАНА

НАЧАЛО ПУТИ

Даниэль Херман (1543—1601) — уроженец Найденбурга², города в Пруссии, где его отец, Андреас Херман, занимал пост бургомистра³. Даниэль был младшим из четверых сыновей, двое из которых умерли в младенческом возрасте. Андреас Херман заботился о том, чтобы его дети получили хорошее образование. Старший, Иоганн, учился в Париже, посещал лекции в крупнейших итальянских и немецких университетах, владел восемью языками, слыл

знатоком восточной литературы⁴, писал стихи, но, как свидетельствуют знавшие его современники, страсть к перемене мест не позволила ему реализовать свои способности. Постоянно переезжая из города в город, он умер в Виттенберге в расцвете лет.

ИЗ СТРАСБУРГА — В ВИТТЕНБЕРГ. 1558—1572

Образование юноши во второй половине XVI века было своего рода путешествием, в котором серьезные академические, латинские или богословские, штудии чередовались с увлекательными экспериментами и вечеринками в непринужденной дружеской атмосфере. Стремление найти в других странах знания, которые не могли предложить в родных местах, было характерно для многих выходцев из небольших европейских городов.

В интеллектуальное путешествие Даниэль Херман отправился достаточно рано. Сначала в возрасте пятнадцати лет он уехал учиться в Кёнигсберг, но в том же 1558 году перебрался в школу Иоганна Штурма в Страсбурге⁵. Это учебное заведение уже было знаменито не только в Германии, но и во всей Европе. Разработанная Штурмом система школьного образования, основанная на гуманистической программе Филиппа

Меланхтона, на долгие годы стала образцовой для учебных заведений данного уровня не только в Германии, но также в Англии и во Франции.

Судя по тому, что строгий учитель взял Даниэля сразу в третий класс, юноша был хорошо подготовлен. На протяжении всей учебы он считался одним из лучших учеников школы. Принципы протестантского образования легли на уже подготовленную семейным воспитанием почву. В свое время отец Даниэля одним из первых принял сторону учения Лютера, способствовал приходу в Найденбург Реформации и прививал идеи лютеранского мировоззрения своим сыновьям.

В Страсбурге юный Херман постигал азы античной поэзии. В дальнейшем исследователи его творчества отметят присущее ему тонкое владение формой древнего стиха⁶, «ясность и пластичность» языка его поэзии⁷. Немецкий историк Теодор Шиман в очерке о Хермане подчеркнул, что если темы, которые он выбирал в своем поэтическом творчестве (грехопадение, искупление через смерть Христа, описание жизни конкретных ученых и быта города и т.п.), не оставляли возможности для оригинальности мысли, то форма стиха свидетельствовала о «причудливой прозорливости» и эрудиции автора, в чем был «ощутим мост

от старой схоластики — к новой науке»⁸. Страсбург всегда оставался для Хермана особым местом, где царил дух поэзии. Но он хотел продолжить свое образование в университете, которого в городе в то время еще не было, поэтому по окончании гимназии уехал в Кёнигсберг, в Альбертину⁹. Однако в 1567 году, когда в Страсбурге появилась академия, поспешил возвратиться туда. Иоганн Штурм не забыл своего способного ученика, и именно ему была оказана честь выступить с торжественным чтением латинского стиха собственного сочинения на публичном открытии академии. На этот раз Херман пробыл в Страсбурге почти два года.

Следующим пунктом интеллектуального путешествия Даниэля Хермана стал Базель, университет которого привлекал молодых людей из европейских стран своими гуманистическими традициями. Здесь учился знаменитый Парацельс, некоторое время преподавал авторитетнейший ученый-гуманист Европы Эразм Роттердамский, а с приходом в город Реформации в университет устремились приверженцы различных течений протестантизма, особенно кальвинизма.

Знакомство с новым городом не прошло бесследно для творчества Хермана. В его стихах этого периода,

написанных по разным поводам — сюжеты повседневной жизни Базеля, рассказ о религиозных движениях в Швейцарии того времени, о людях, участвовавших в исторических событиях.

В конце 1569 года Даниэль Херман покинул Базель. Он недолго обучался в Ингольштадте, а затем, в 1571 году, последовал в Виттенберг, куда направлялись многие из его соотечественников, чтобы завершить гуманистическое образование. Если до сих пор его внимание было направлено на языки, философию и право, то теперь он обратился к наукам естественным, и прежде всего к геологии.

В Виттенберге Херман получил два печальных известия — о смерти отца и вслед за ним о смерти старшего брата Иоганна. Любитель странствий Иоганн некоторое время находился в Кёнигсберге, откуда был изгнан во время развернувшихся там религиозных осииандристских споров¹⁰. Он вернулся в Виттенберг, полагая, что нашел наконец тихое место, но здесь его неожиданно настигла смерть. Написанный Даниэлем Херманом некролог, в котором звучит глубоко прочувствованная боль и описаны запутанные жизненные искания брата, Шиман отнес к его лучшим стихотворениям, написав: «Подлинное чувство звучит в этом латинском гекзаметре»¹¹. По некоторым сведениям,

после смерти брата у Хермана в Найденбурге остались мать и две сестры, но неизвестно, виделся ли он с ними в дальнейшем.

Несмотря на пережитое горе, время, проведенное в Виттенберге, было в жизни Даниэля Хермана счастливым. В его стихах этого периода много планов на будущее, юмор, свидетельствующий о внутреннем удовлетворении. Он постоянно находится в окружении друзей. Среди них выходец из Ливонии Иоганн Виганд, которому адресовано поэтическое поздравление в день ангела; Каспар фон Минквиц, способствовавший в дальнейшем карьере Хермана; бургграф Фабиан фон Дона, вместе с которым Херман путешествовал по Силезии и Саксонии, посещая месторождения серебра и изучая геологию.

Возвратившись из геологической поездки, Херман сразу же (в середине 1572 года) отправился в Вену с намерением получить должность секретаря при канцелярии императора Максимилиана II. Свой путь ко двору он также превратил в путешествие, на отдельных этапах которого его сопровождали друзья по Виттенбергу Габриэль Гигуер и Вильгельм Зеeman, а где-то он следовал в одиночку. Сначала он проплыл по Дунаю в Регенсбург¹², оттуда — в Линц¹³, по реке Траун (приток Дуная) добрался до Вимсбаха¹⁴, затем через горы без проводника отпра-

вился в Штайр¹⁵. К этому следует добавить, что Херман был болен во время путешествия и весь его путь сопровождался приступами лихорадки. Когда он добрался до Мангры, мать одного из его друзей, встретившая его там, не позволила молодому человеку следовать дальше в Вену, так как он был очень слаб, и ухаживала за ним, пока Даниэль не почувствовал себя лучше.

ВЕНА. 1572—1578

В Вену Херман прибыл еще наполовину больным, должность при дворе ему предлагать не спешили. Лихорадка, как свидетельствуют стихи, которые он продолжал писать и во время болезни, ввергла его в мрачное состояние духа. Он обратился к виттенбергскому другу Каспару фон Минквицу, служившему при дворе советником, с просьбой пригласить знаменитого лейб-медика императора Максимилиана II — Иоганна Крато фон Крафтхейма. Последний не замедлил навестить больного, и результатом стали выздоровление, а также оптимистическое настроение, вернувшееся к Херману.

Наконец Даниэль Херман получил место секретаря канцелярии при императорском дворе. Он служил под началом своего друга Каспара фон

Минквица и занимался латинской корреспонденцией, прошениями и военными финансами¹⁶. Служебная карьера в Вене складывалась успешно. Максимилиан, оценив услуги Хермана в канцелярии, пожаловал ему дворянство, герб и титул личного секретаря (*Geheimsecretär*)¹⁷. Успехи на служебном поприще отразились и на финансовом положении: Даниэль смог поставить великолепный памятник своему отцу в Найденбурге.

Служба в Вене, судя по настроению стихов этого периода, Хермана во всем устраивала. Частая перемена места, многочисленные поездки по служебным делам совершенно не были ему в тягость и позволили посетить Венгрию, Богемию, Лаузиц и многие другие места. В 1573 году в сопровождении своего друга Минквица и императорского советника Иоахима фон Берга он путешествовал в Силезию.

Но в 1576 году император Максимилиан II, славившийся своей веротерпимостью, образованностью и способствовавший их распространению во всей Австрии, умер. Его преемник, император Рудольф II, находился под влиянием иезуитов¹⁸. На глазах Хермана его друзей-лютеран, служивших при дворе, стали изгонять одного за другим. Вынужден был уехать даже заслуженный Крато фон Крафтхейм. Но Херман вы-

держал в Вене еще два года. Ему было жалко покидать страну, в которой так благополучно складывались его карьера и жизнь. Он ждал внешнего повода, который сыграл бы ему на руку.

В 1578 году Херман заболел сильнее, чем когда-либо раньше: у него возобновились приступы лихорадки. Находясь на больничной койке, он тосковал по Пруссии и все чаще думал о возвращении на родину.

Когда Херман выздоровел, его пригласили на службу в Данциг. Он, не раздумывая, согласился, считая это назначение исполнением своей молитвы, написанной в дни тяжелой болезни («хотя любое место по-своему хорошо, но не позволь мне, Господи, умереть на чужбине»).

ДАНЦИГ. 1578—1582

В Данциге Херман занял должность городского секретаря, по другой версии — муниципального солиситора, или синдика¹⁹ (*Syndicus Gedanensis*). Также в качестве королевского секретаря он исполнял дипломатические поручения. Это были годы Ливонской войны, и Херману предстояло участвовать в русском походе короля Стефана Батория, вести финансовые дела и посылать регулярные сообщения о ходе войны. Его не смутил переход от спокойной венской жизни

к трудным будням. В июле 1579 года он приступил к своим обязанностям и уже в конце месяца находился в Ковно²⁰, а в середине августа — в Вильно²¹. В сентябре 1579 года Херман в роли данцигского посла был отправлен в лагерь под Полоцком²².

Когда 28 января 1582 года пришло сообщение о заключении Ям-Запольского мира между Русским царством и Речью Посполитой, Стефан Баторий направился в Ригу. Херман, опередив короля, прибыл туда 1 марта 1582 года.

РИГА. 1582—1601

О Риге Херман мечтал давно. Еще в 1567 году в поэтическом послании своему другу Тидеману Гизе он говорил о своем желании занять должность в совете польского короля, который направлялся в Ливонию с войной на Московию, и добавляет, что для него было бы счастьем, если бы судьба определила ему Ригу местом последнего упокоения²³.

В связи с неожиданным прибытием многочисленной свиты короля в городе трудно было найти подходящее жилье, и вначале Херман сетовал на неудобную квартиру, но затем ему удалось снять часть дома у вдовы Урсулы Крёгер. Встреча с Урсулой стала судьбо-

носной для дальнейшей жизни Хермана. Не прошло и месяца, как он сделал ей предложение, и 3 апреля 1582 года написал письмо в совет города Данцига с сообщением о своей помолвке, а также известил о своем намерении остаться в Риге. В связи с этим он просил назначить его поверенным в делах (*stehender Geschäftsträger*), так как став постоянным рижским жителем, он уже не мог занимать определенную ему прежде должность городского секретаря Данцига.

В Данциге удовлетворили просьбу Хермана, возложив, однако, на него еще одно дипломатическое задание, которое предстояло исполнить до оставления должности городского секретаря. Совет города поручил ему отправиться в поездку в Курляндию к герцогу Готхарду Кетлеру, задолжавшему Данцигу крупную сумму денег. По этой причине Херману пришлось отложить на некоторое время свадьбу. Герцог принял посланника благосклонно, пригласил его на охоту, пообещав в итоге вернуть долг, что и произошло в следующем году.

После удачного исполнения дипломатической миссии Херман возвратился в Ригу и занялся приготовлением к свадьбе (подробностей не известно). С этого времени он оставался в Риге постоянно, если не считать коротких отлучек.

Должность поверенного в делах в Риге Херман сочетал с исполнением обязанностей советника и секретаря при кардинале Радзивилле²⁴, наместнике Стефана Батория в Задвинском герцогстве. Похоже, служба в совете польского наместника была ему в тягость. В предисловии к изданию поэмы о лягушке и ящерице 1600 года он писал: «После столь многочисленных трудов и перенесенных тягот, которые моя оставшаяся жизнь едва ли сможет вынести, полагаю, что я могу отнести себя к тем людям, которые, словно утомленные, истощенные и отслужившие свой срок солдаты, обычно каким-либо образом заботятся, чтобы оставшийся жизненный путь более ревностно посвятить Богу и Музам»²⁵.

И действительно — вскоре он отошел от государственных дел, занялся поэзией, продолжая внимательно следить за политическими событиями. Противоречия между духовной и светской властью, постоянно вспыхивающие войны за Ливонию между поляками и шведами сильно удручали его. Судя по стихам, написанным в это время, он потерял веру в будущее страны. После захвата шведами Вольмара²⁶ в 1601 году он окончательно слег в постель и больше уже не оправился. Двадцать девятого декабря того же года Даниэль Херман умер.

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ

Даже в рамках краткого очерка, представляющего автора поэмы *De Rana et Lacerta*... не хотелось бы завершать повествование, не отметив те черты личности нашего героя, которыми определялся его жизненный путь.

Похоже, что Даниэль Херман обладал легким и общительным характером, так как друзей на разных этапах его жизни у него было много. Он посвящал им свои стихи, в ответ также получал поэтические послания, добрые дружеские шаржи.

Товарищем Хермана по Страсбургу был Николай Христофор Радзивилл, впоследствии известный государственный и военный деятель в Великом княжестве Литовском. В той же гимназии Иоганна Штурма он познакомился и подружился с Тидеманом Гизе, в дальнейшем состоявшим на дипломатической службе у короля Стефана Батория, и Яном Замойским, ставшим одной из центральных фигур в польских событиях (как военных, так и общегосударственных) конца XVI века.

Героями стихов «базельского» периода стали гуманист Филипп Камерарий, в свое время заключенный римской инквизицией в тюрьму, и Самуэль Гринейус, также нашедший убежище в Базеле, спасаясь от преследований католиков. Оба в 1569 году были

удостоены докторской степени в университете Базеля, что послужило для Хермана темой отдельного поэтического сочинения.

Одно из базельских стихотворений посвящено Говсвину Кетлеру, племяннику последнего ландмейстера Немецкого ордена в Ливонии Готхарда Кетлера, который представлен юноше в качестве образца.

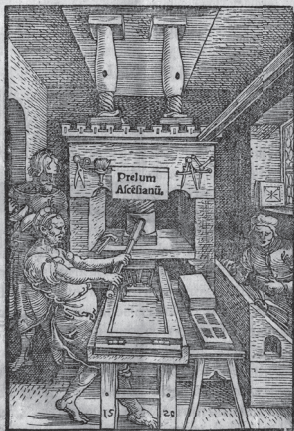
Из тех, с кем Херман тесно общался в Виттенберге, следует отметить Каспара фон Минквица, о котором уже шла речь на предыдущих страницах. О Габриэле Гигуре и Вильгельме Зеемане, сопровождавших Даниэля на пути в Вену, сведений в литературе практически не сохранилось.

В Вене Херман также не был одинок. Веселые дни, проведенные при императорском дворе, запечатлены в поэтических рассказах об увлекательных поездках и встречах с друзьями. Когда он готовился покинуть страну, его друзья Генрих Лифтрий, Каспар Эписий, Генрих Порший и служивший при императорском дворе математик Пауль Фабриций посвятили ему свои стихи, сожалея в них по поводу отъезда «борусса» Даниэля Хермана.

В Риге у Хермана сложились дружеские отношения с проповедником Георгом Циглером и известным государственным и политическим деятелем Ливонии,

GVLIELMIBV

dai Parisiensis, de Cōtemptu rerum fortuitarum
Libri Tres.

Venduntur in officina Ascēfiana, cum Gra-
tia & priuilegio in Triennium.

*Ex libris Danicis
Hermani 1722*

Книга Гийома Бюде из библиотеки Даниэля Хермана
с его экслибрисом

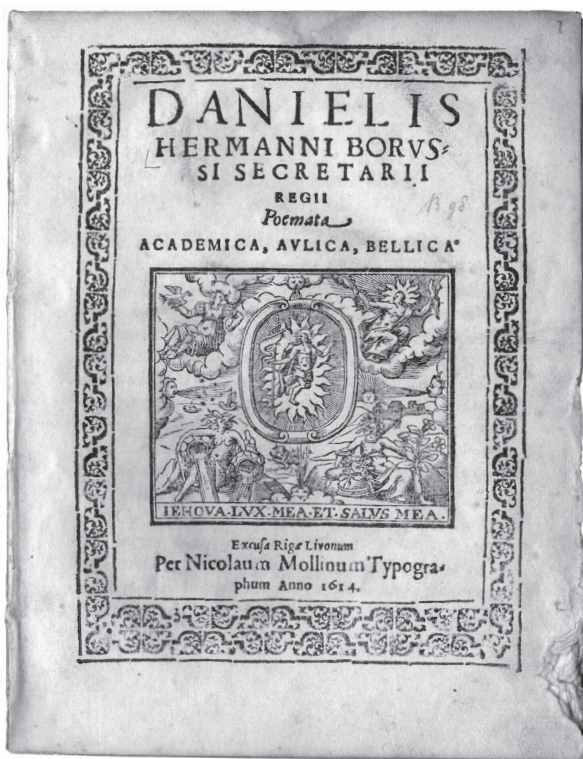
© Академическая библиотека Латвийского университета, R909, H2/3

дипломатом Давидом Хильхеном (Хеликонием)²⁷. Хильхен также писал стихи, которые в большинстве своем остались неопубликованными, и даже редактировал некоторые сочинения Хермана²⁸. По инициативе Хильхена в городе были открыты первая типография (1588) и первая книжная лавка; с его участием в 1594 году основана латинская школа.

Важным источником для реконструкции окружения Хермана служит его личная библиотека²⁹, ожидающая систематического исследования. Дошедшее до наших дней собрание бережно хранится в Академической библиотеке Латвийского университета в Риге³⁰ — городе, который был особенно дорог «боруссу» Даниэлю Херману.

ДУША ПОЭТА

У дипломата и чиновника Даниэля Хермана была душа поэта³¹. Увлечение поэтическим словом проходит через всю его жизнь. Критики по-разному оценивают его творчество, но сам он никогда ему не изменял: ни во времена военных походов, ни в минуты тяжелой болезни. Поэзия — главный источник биографических сведений о Хермане и его окружении. Он писал стихи не только на латыни, но также на польском и немецком

Титул собрания поэтических сочинений
Даниэля Хермана 1614—1615 года

© Академическая библиотека Латвийского университета, R 2077

языках. Пробуя себя в разных жанрах, Херман создал за свою жизнь несколько десятков поэтических сочинений. Среди его произведений — панегирики и энкомии, сатирические и поздравительные послания, некрологи и эпиталамы. В его стихах — описание исторических событий, званых обедов и путешествий с друзьями, прощальные отклики на отъезд товарищей из академии и университета.

Есть у Хермана образцы и так называемого «придворного» жанра. Панегирик на коронацию эрцгерцога Рудольфа как короля Венгрии, написанный в состоянии лихорадки при переправе через Дунай, он создал, надеясь таким образом привлечь к себе внимание двора. Поэтическое прошение императору Максимилиану II, в котором он, пытаясь расположить к себе последнего, называет императора «вторым Богом», показалось критикам чрезмерно подобоострастным.

В политических стихах венского периода своей жизни Херман повествует о событиях того времени, к которым он не смог остаться равнодушным: о польском интеррегнуме³², Варфоломеевской ночи³³, победе короля Генриха III из Варшавы в Париж после смерти Карла IX. Одно из стихотворений направлено против придворного французского поэта Жана Дора, воинствующего католика, восславившего убийство³⁴

Гаспара де Колиньи в Варфоломеевскую ночь и одобрявшего расправы с гугенотами. Херман осуждает коварство и вероломство, с которыми было совершено убийство, называет французского короля тираном.

В издании 1614—1615 годов стихи Хермана систематизированы по хронологическому принципу и объединены в три цикла: *Academica*, *Aulica*, *Bellica et miscellanea*.

В первой части, *Academica*, составляющей отдельный том, собраны стихи периода жизни поэта от Страсбурга до Виттенберга, когда он получал образование. Поэзия цикла *Aulica*³⁵ соответствует времени пребывания Хермана в Вене на службе у императора Максимилиана II. Стихи, объединенные в цикл *Bellica et miscellanea*³⁶, писались во времена военных действий, но не были закончены: Херман дописывал их уже будучи в Риге, вспоминая батальные сцены и драматические события, связанные с потерей друзей.

Самое крупное из поэтических произведений Хермана, «Стефанаида», посвящено походу Стефана Батория. В ярких красках автор изобразил один из трагических эпизодов этой военной кампании — взятие и разрушение Полоцка. Образ смерти, которая легла на крепость, город и его окрестности, грубость и бесчеловечность, проявляемые представителями

воюющих сторон, эмоциональный рассказ о потере друга Мартина Веера составляют драматическое содержание этой части поэмы.

В отдел *Miscellanea* также были включены поэма о лягушке и ящерице, представленная в настоящем издании, и одно из поздних стихотворений (по тематике несколько необычных для творчества Хермана), поводом к написанию которого послужил младенец-урод, родившийся 18 августа 1595 года в районе Ашерадена³⁷. В беспокойное для Ливонии время предзнаменования войны и бедствий усматривали в различных природных явлениях: кометах или так называемых «кровавых» дождях, становившихся предметом серьезных обсуждений. Рождение урода Херман воспринимает как упрек Бога стране и серьезное основание для размышлений о судьбе Ливонии.

В стопке рукописей и документов Хермана была найдена также сочиненная им эпитафия с просьбой разместить ее на его памятнике.

По желанию Хермана после его смерти супруга передала все литературное наследие поэта городу Риге.

И. А. Полякова

«ТАК МНОГО ТАИН ПРИРОДЫ НЕ ИЗУЧЕНО»:
ПОЭМА О ЯНТАРЕ,
ИЛИ ФИЛОСОФСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ
БЕЗ ИТОГА

Ныне хочу рассказать про тела, превращенные в формы
Новые. Боги, — ведь вы превращения эти вершили, —
Дайте же замыслу ход и мою от начала Вселенной
До наступивших времен непрерывную песнь доведите.

Овидий. Метаморфозы, Книга I

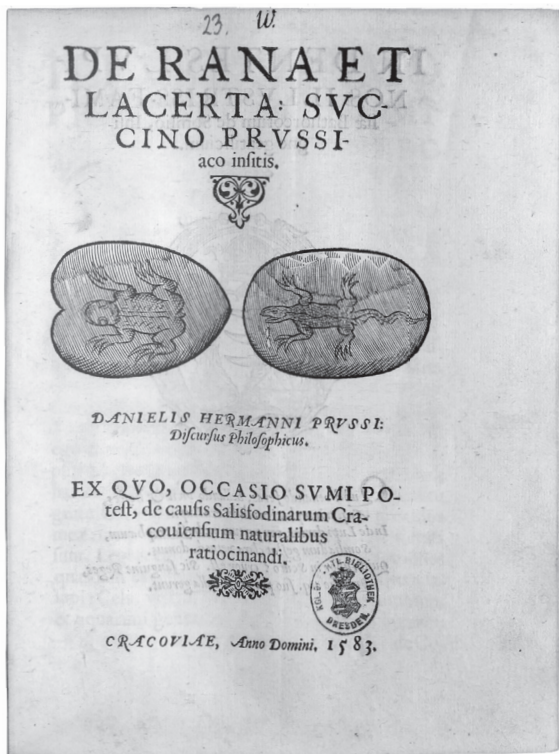
Перевод С. Шервинского

ИЗДАНИЯ ПОЭМЫ

Сочинение, о котором идет речь в этой книге, озаглавлено «О лягушке и ящерице, застрявших в прусском янтаре. Философское рассуждение Даниэля Хермана Прусского, благодаря которому может представиться случай понять естественные причины [возникновения] Краковских соляных копей»³⁸.

Как упоминалось ранее, произведение Хермана выдержало несколько изданий. Первое состоялось в Кракове в 1583 году³⁹. В это время автор уже находился в Риге. Издание было украшено гравюрой с изображением «героев» поэмы. В начало книги помещен герб Стефана Батория⁴⁰ и строфа под рисунком, разъясняющая его содержание⁴¹; текст поэмы сопровождается маргиналиями.

То, что книга была издана в Кракове, вероятнее всего, можно объяснить близким знакомством автора с гетманом Яном Замойским, при котором Херман, как упоминалось ранее, служил в Риге. С 1580 по 1585 год Замойский был в Кракове генеральным старостой. В основанном им в 1580 году Замостье, кроме гимназии, библиотеки и несколько позже, в 1594 году, академии, по его инициативе также была учреждена городская типография. Возможно, что славившийся своими

Титул первого издания поэмы *De Rana et Lacerta...*

© Саксонская земельная и университетская библиотека, Lit. Lat. rec.
A. 380, misc. 23

просветительскими проектами гетман курировал и типографию в Кракове и именно в ней печаталась поэма (название типографии на титуле не указано).

В 1593 году во Франкфурте поэма Хермана была включена в одно из изданий основанного Иоганном Крато фон Крафтхеймом сборника медицинских советов и писем⁴². В том же издании был напечатан сокращенный вариант *Succini Historia* (Истории янтаря) Андреаса Аурифабера⁴³ на латыни. Сочинение Хермана с уже знакомой по краковскому варианту гравюрой на титуле помещено вслед за работой Аурифабера. Данная версия поэмы отличается от предыдущей редакцией отдельных строк и отсутствием примечаний на полях.

Необходимость второго издания сам Херман объясняет тем, что экземпляры, напечатанные в Кракове, разошлись очень быстро. О том, чтобы сочинение было опубликовано еще раз, позаботился Лаврентий Шольц фон Розенау, которого поэт с благодарностью упоминает в предисловии к одному из последующих изданий поэмы.

В 1600 году в рижской типографии Николауса Моллина⁴⁴ вышло собрание поэтических сочинений Хермана. Поэму о лягушке и ящерице сопровождает та же гравюра, что в краковском и франкфуртском из-

даниях. Херман внес небольшие коррективы в заглавие, заменив в словосочетании «в прусском янтаре» латинское слово *Prussiaco* на *Borussiaco*. Текст поэмы предваряет эпиграмма итальянского поэта Антонио Кверенги из Падуи, который занимал пост секретаря Священной коллегии кардиналов при пяти папах. Кверенги был учеником Спероне Сперони, известного гуманиста, ученого и драматурга.

Очевидно, что незначительно отличающиеся друг от друга версии 1583 и 1593 годов впоследствии дорабатывались. В издании 1600 года появляется новый, достаточно большой фрагмент. В качестве одного из примеров в нем автор приводит факт строительства крепости Замостье Яном Замойским (было начато в 1579 году и длилось вплоть до 1600 года). Это свидетельствует о том, что новый текст был написан после событий Ливонской войны. Видно также, что автор работал над примечаниями, в одних случаях сократив их, в других — подвергнув редакции.

Рижское издание 1600 года и посвящено Яну Замойскому, который, как следует из предисловия, неоднократно читал поэму, восхищался ею и даже считал ее «достойной пера Лукреция». По-видимому, этим объясняется и упоминание во вновь написанном фрагменте Замостья, основанного коронным гетманом:

«великий», «вечный и замечательный памятник», который «воздвиг в родных краях Ян Замоиский, и ни один день из того благодарного века никогда этого не забудет»⁴⁵.

После смерти Хермана его вдова издала полное собрание его поэтических сочинений в трех томах в той же типографии Моллина. Два первых тома вышли в 1614 году, третий — в 1615-м. *De Rana et Lacerta...*, как упоминалось выше, была помещена в раздел «Разное» (*Miscellanea*) третьего тома. Гравюра также сохранена. Перед текстом поэмы указано, что сочинение посвящено Яну Замоискому, однако само посвящение из издания исключили. Сокращено также название поэмы — оно приводится в следующей версии: *De Rana et Lacerta Succino Prussiaco insistis. Discursus Philosophicus*. Возможно, эти изменения вызваны высокой стоимостью издания. Важно, что в этой версии сохранены примечания, вынесенные Херманом на поля предыдущих изданий.

В 1614 году Лаврентий Шольц фон Розенау снова включил поэму в переиздаваемый сборник медицинских советов и писем⁴⁶. В нем уже отсутствовала гравюра, хотя на странице оставлено для нее место.

В 1731 году *De Rana et Lacerta...* вошла в один из объемистых томов журнала «Прусские акты», издаваемого в Кёнигсберге Михаэлем Лилиенталем⁴⁷.

Поэма Даниэля Хермана в «Сборнике медицинских советов
и писем» Иоганна Крато фон Крафтхейма 1593 года

Текст представлен на основе рижского издания (год не указан, скорее всего, использовалась версия 1600 года), без маргиналий и без гравюры⁴⁸.

В 1629 году поэма Хермана была переведена на немецкий и опубликована в сборнике популярных медицинских извлечений из сочинений Крато фон Крафтхейма⁴⁹ под названием «Поэтическое описание прусского янтаря, в котором заключены лягушка и ящерица»⁵⁰. Имя переводчика не указано. Это мог быть врач Иоганн Фабриций, отбравший материалы для сборника и написавший предисловие. Похоже, перевод не стал известным, так как в XX веке отдельные части поэмы были снова переведены на немецкий Г. Ютнером и опубликованы в газете «Эрмлэндише Цайтунг» (*Ermländische Zeitung*) 7 сентября 1935 года⁵¹.

ТЕМА И ВРЕМЯ

Следует отметить, что сочинение Хермана о лягушке и ящерице — не первое поэтическое произведение об инклюзах в янтаре. Кроме знаменитых эпиграмм Марциала⁵², эта тема нашла отражение в отдельных образцах поэзии эпохи Возрождения. Нам не приходится говорить о широко известных или особо выдающихся сочинениях, однако в среде гуманистов была популярна эпиграмма

немецкого поэта Конрада Цельтиса о лягушке, которая попала в янтарь, заглатывая муху⁵³. В 30-е годы XVI века в Пруссии в кругу герцога Альбрехта были в ходу поэтические импровизации на данную тему. Латинские стихи о янтарных инклюзах писал советник герцога, лютеранский теолог и пастор Альтштадтской кирхи Иоганн Полиандер⁵⁴; одна из эпиграмм того же времени о мухе, попавшей в янтарь, принадлежит прусскому канцлеру Иоганну Апелю⁵⁵. Однако произведения Полиандера и Апеля так и не были напечатаны в свое время. Их рукописными вариантами обменивались кёнигсбергские интеллектуалы, помещая их в своих тетрадах рядом с рецептами янтарных пилюль⁵⁶.

В творчестве Хермана поэма о лягушке и ящерице стоит особняком, это единственное его сочинение, повествующее о янтаре. Мы можем только предполагать, почему он обратился к этой теме. Точно неизвестно также, в какой период его жизни создавалось это произведение.

В предисловии к первому изданию, датированном 18 февраля 1583 года, Херман обращается к племяннику Стефана Батория, князю Трансильвании, юному Сигизмунду (Жигмонду) Батори. Он говорит, что послать поэму князю его побудило знакомство с сочинениями придворного медика Батори, итальянского врача и астронома Марчелло Скварчиалупи. Херман

называет три произведения Скварчиалупи: «О кометах», «О видах (родах) воды, вызывающих болезни зоба», «О состоянии человеческого тела». Кроме первого сочинения, изданного в 1580 году в соавторстве с Томасом Эрастом, Андрашем Дудичем и Симоном Гринеусом⁵⁷, мы не имеем сведений об этих натурфилософских опусах Скварчиалупи. Возможно, два последних произведения попали в руки Хермана в рукописном виде. Прочитанное произвело на него впечатление, и он написал по данному поводу: «Чтение этих сочинений, отличающихся изяществом ума и суждения, до такой степени восхитило меня, что сразу побудило, прежде чем вернуться в Ливонию, послать Вашему Высочеству нечто подобное, что касается созерцания природных явлений, а именно философские, разумеется, мнения о происхождении янтаря, который собирают в Пруссии, и сочинение о лягушке и ящерице, заключенных в прусском янтаре»⁵⁸.

ОБ ИСТОЧНИКАХ

Итак, можно только предполагать, как возникла тема янтаря в жизни Даниэля Хермана и когда это произошло. Принимая во внимание некоторые факты его биографии, а также отдельные фрагменты его

поэмы, позволю себе высказать несколько предположений об источниках, из которых он черпал сведения и под влиянием которых находился.

Ко времени, когда Херман начал работать над поэмой⁵⁹, уже сформировался достаточно объемный корпус источников, которые он мог использовать и, как показывает текст поэмы, использовал. Это первая часть книги «О древностях Пруссии» (*De antiquitatibus Borussiae*, 1518) Эразма Стеллы, глава из сочинения «О природе ископаемых» (*De Natura Fossilium*, 1546) Георга Агриколы, книги «История янтаря» (*Succini Historia*, 1551) Андреаса Аурифабера⁶⁰, «Положения о происхождении и причинах прусского янтаря» (*Propositiones de origine et causis succini Prussiaci*, 1555) Каспара Пейцера⁶¹ и работа «Две книги о янтаре» (*De Succini Libri Duo*) Северина Гёбеля-старшего, выдержавшая к тому времени несколько изданий на латыни и немецком — в 1558, 1565 и 1566 годах⁶². Есть все основания полагать, что автор последней из книг оказал на Хермана наибольшее влияние. Структура и содержание *De Rana et Lacerta...* в значительной степени определены тем, как выстроено повествование о янтаре в сочинении Гёбеля.

В настоящий момент мы не располагаем точными данными, чтобы ответить на вопрос о том, были ли Херман и Гёбель знакомы. Мы знаем, что некоторое время

своей жизни Херман провел в Кёнигсберге. Впервые он приехал туда в 1558 году. Гёбеля в это время в городе не было: удостоенный в июле 1557 года университетом Виттенберга степени доктора медицины, он служил в 1558 году лейб-медиком у ландграфа Филиппа Гессенского. Кроме того, именно в 1558—1559 годах он совершил путешествие в Италию.

Однако в 1558 году вышло сочинение Гёбеля о янтаре — «Благочестивое упоминание о страстях, воскресении и благодеяниях Христа, которые отражаются в истории янтара»⁶³. Книга была напечатана в Оберурзеле (земля Гессен) в типографии Николая Генриха. Маловероятно, чтобы ее появление не обсуждалось в Кёнигсберге, где в это время проводились масштабные реформы в области янтарного дела, а также всячески поощрялось создание литературы на тему природы и происхождения янтара, применения его в медицине.

Вероятно, с Гёбелем был хорошо знаком старший брат Даниэля, Иоганн, так как оба молодых человека прибыли на учебу в Виттенбергский университет в одном и том же 1553 году: Херман — 17 мая, Гёбель — 27 июня⁶⁴.

Хотя первый визит Хермана в Кёнигсберг продлился недолго, едва ли он не заметил такую значимую для города персону, как автора книги о янтаре, известной

не только в Пруссии, Андреаса Аурифабера, который в 1558 году оставался лейб-медиком герцога и профессором Альбертины.

Во второй раз Херман приехал в университет Кёнигсберга после окончания гимназии в Страсбурге (в конце 1563-го или в 1564 году) и пробыл до 1567 года. В это время Гёбель уже находился в прусской столице и занимал должность лейб-медика герцога Альбрехта.

В 1579 году во время переговоров после взятия Полоцка Херман воспользовался паузой, чтобы на короткое время съездить в Кёнигсберг. О цели его поездки нам ничего не известно. Возможно, он навещал своего друга по Виттенбергу, математика и астронома Матиуса Мениуса, который в том же году получил в Кёнигсбергском университете должность профессора.

Мы знаем, что Херман был знаком с другом и земляком Андреаса Аурифабера Иоганном Крато фон Крафтхеймом, который с 1564 года в течение 11 лет был лейб-медиком императора Максимилиана II, и именно к нему по прибытии в Вену Херман, страдавший приступами лихорадки, обратился за помощью. Крато интересовали вопросы медицинского применения янтаря, его имя носит одна из самых популярных в XVI—XVII веках янтарных пилюль — *Pillulae*

de Succino Cratonis. Судя по его переписке с Аурифабером, знаменитого виттенбергского врача интересовали также вопросы производства янтарного масла.

Именно Крато издал в Виттенберге в 1555 году упоминавшуюся выше книгу Каспара Пейцера о янтаре — предельно сжатое изложение темы, предназначенное, по-видимому, для студентов университета. Второе издание поэмы Хермана также было осуществлено на страницах основанного Крато сборника медицинских советов и писем, печатать который после смерти знаменитого врача продолжал его ученик Лаврентий Шольц фон Розенау.

Не следует забывать и о специальном геологическом путешествии Хермана, во время которого он со своими спутниками также мог обсуждать популярную в то время тему происхождения и применения янтаря.

СОДЕРЖАНИЕ ПОЭМЫ

Из предваряющего поэму обращения Хермана к Сигизмунду Батори, а также из ее первых строк мы узнаем, что Яски, советник из Данцига, владел двумя «замечательными памятниками», лягушкой и ящерицей в янтаре. Семейство Яски хорошо известно всем интересующимся темой янтаря. Паулю Яски еще в 1533 году

прусский герцог предоставил привилегии в сфере торговли янтарем. Андреас Аурифабер, который был лично знаком с Яски, считал того большим знатоком янтаря, отмечая, что данцигский коммерсант также легко мог определить, откуда происходит тот или иной кусок янтаря, как поговору можно узнать венгра, итальянца или шотландца. Примечательно, что экземпляры, о которых идет речь и которые уже с XVIII столетия ученые считали не природными образцами, а фальсификатами, составляли гордость семейной коллекции.

Ко времени первого издания поэмы Яски уже не было в живых — он умер в 1564 году. От первого брака с Доротеей Розенберг у него было десять детей⁶⁵. В источниках упомянуты Израэль (о нем содержатся краткие сведения в книге Вильгельма Тесдорпфа⁶⁶ о добыче и обработке янтаря) и самый младший, Маркус⁶⁷. Описанными в поэме инклюзами во времена ее первого издания владел внук знаменитого торговца янтарем, которого, как и деда, звали Паулем⁶⁸, а несколько позже — правнук Андреас Яски. Упоминание о Пауле Яски-младшем содержится только в маргиналиях краковского издания. Это объясняется тем, что к моменту появления рижской версии поэмы (1600) Пауль Яски-младший умер (по данным Тесдорпфа, в 1584 году в Генуе) и Херман просто удалил ставшее неактуальным примечание:

«Пауль Яски, советник из Данцига, владеет двумя кусками янтаря: внутри одного из них представлена лягушка, в другом же — ящерица».

В обращении к Сигизмунду Батори Херман пишет об увиденных им инклюзах: «О, если бы они были в моей власти, то я предпочел бы послать Вашему Высочеству их самих, а не их описание. В самом деле, они были бы достойны украсить сокровищницу любого царя или князя. Полагаю, что едва ли природа смогла сотворить более изящное произведение»⁶⁹. Подробным описанием поразивших его инклюзов в янтаре Херман открывает свои рассуждения на тему природы янтаря.

Включения сохранили свою естественную окраску (в поэме: «совсем как живые тела их и краски»), и, что особенно потрясло Хермана, можно было разглядеть капельки крови, выступившие из тела погребенных в янтаре земноводных:

Ты видишь, как сидит лягушка с телом и донны-не неповрежденным? Лягушка совсем зеленая, словно только недавно появилась на свет. Ты видишь, как она распростерла ноги? И как страшно выворотила глаза? Словно до сих пор вот-вот прыгнет, словно вся напряглась, чтобы выбраться на открытый воздух. Но застывший кусок янтаря не позволяет ей выйти⁷⁰.

Жидкость, заключенную в янтарь, перетекающую туда-сюда, но не испаряющуюся, «не сякнущую в своем заточении», Херман сравнивает с Луной, которая то растет, то убывает, но никогда не исчезает навсегда. Он считает это чудесным явлением, природа которого не может быть точно определена: «Либо электр, абсолютно от всякого гниения свободный, сохраняет включенную в него [влагу] неповрежденной, либо это не обычная вода, а, напротив, возможно, такая, которая является частью состава этой нефти (нафты)», но «что бы это ни было, это определенно происходит не без воли Небес»⁷¹.

Не менее живописно, чем лягушка, по словам Хермана, выглядела и ящерица, в схватке со смертью разинувшая пасть; были видны даже маленькие коготки и крохотные чешуйки на ее спине:

Напрасно в другую сторону дрожащая ящерица жалкие мускулы напрягает, она [так] изгибает извивы хвоста гибкого: [что] показываются чешуйки на крохотной спине и маленькие коготки. Безобразным зиянием она разинула открытую пасть в [происходящей] некогда борьбе и схватке со смертью. С тех пор, как она в частых хрипах совсем испустила дух, остаются свежими следы пролитой крови⁷².

Херман не единственный очевидец, оставивший нам описание так восхитивших его инклюзов в янтаре. Еще одно свидетельство того, что они действительно существовали, оставил английский путешественник Финес Морисон, посетивший Данциг в августе 1593 года. Морисон пишет о том, что найденные на берегу тусклые (как бы покрытые пылью) кусочки янтара становятся прозрачными после того, как их отполируют, и заявляет, что в Данциге ему довелось увидеть два таких образца. В одном из них находилась лягушка, все части которой были отчетливо видны, а в другом — ящерица (или тритон, или, может быть, белая ящерица, так как Морисон использует слово *newt*, а не *lizard*)⁷³. Лягушку хотел купить находившийся в то время в городе польский король, предложивший за нее высокую по тем временам цену — пять тысяч «долларов»⁷⁴. Кусок янтара с ящерицей был менее прозрачен.

Прозрачность янтара, в который были заключены земноводные, отмечал и Херман в предисловии к изданию поэмы 1600 года: «Два описанных мною замечательных памятника лягушке и ящерице, явленные в двух кусочках прозрачного янтара»⁷⁵.

Сведения об упомянутых Херманом и Морисоном лягушке и ящерице в янтаре несколько позже (1616) приводит в одной из книг Северин Гёбель-младший⁷⁶.

Он также подтверждает, что владельцем обоих янтарных инклюзов является Андреас Яски из Данцига, причем пишет об этом в настоящем времени. По словам Гёбеля, оба удивительных и сверхъестественных (*wundenbarlich und übernatürlich*) экземпляра — «чудеса природы» (*miracula naturae*) — были размером с ладонь. Его также поразила застывшая драматическая картина смерти: кишки, выступающие из раны на брюшке лягушки, капельки крови и пена у разинутой пасти ящерицы. Как видим, детали описания совпадают с теми, что приведены в поэме Хермана.

Из книги Гёбеля следует, что Андреас Яски, несмотря на предложенную ему очень высокую цену, не согласился продать лягушку польскому королю. Он преподнес оба янтарных инклюза маркграфу Бранденбург-Ансбахскому Георгу Фридриху I. Последний, в свою очередь, подарил их герцогу Мантуи⁷⁷. Винченцо I Гонзага нашел подаркам достойное место в своей сокровищнице (*Schatzkammer*).

MIRACULUM NATURAE

Многие из влиятельнейших европейских коллекционеров мечтали, как и герцог Мантуи, иметь в своих собраниях природные образцы янтаря или изделия из него.

Внимание к янтарю в XVI—XVII столетиях выразилось не только в экономических реформах и использовании минерала для изготовления украшений и предметов быта. Эксперименты с янтарем и интерес к его природе и свойствам объединяли алхимиков, врачей, аптекарей и теологов. Натуральный камень стоил дорого. В разных европейских странах разрабатывались и хранились в тайне рецепты изготовления фальшивого янтаря. Так, в книге швейцарского врача Иоганнеса Якоба Веккера «Восемнадцать книг секретов искусства и природы, являющихся итогом и основой натуральной философии, методологически обработанной» среди многочисленных рецептов, повествующих о том, как изготовить фальшивые рубины, аметисты, карбункулы и другие драгоценные камни, мы находим рекомендации по получению янтаря желаемых цвета и формы⁷⁸. Использовали яичный белок, тщательно измельченные кристалл и мрамор, мастику и винный камень (*argal crude*), полученный из белого вина. Для достижения желаемого цвета применяли шафран и куркуму.

Массу размешивали, взбивали, варили, растирали, помещали в кишку быка или кабана или в стеклянную бутылку, затем держали на огне или, предварительно смазав льняным маслом, на солнце.

Особое внимание, — не только ученых, но и людей, имеющих отдаленное отношение к науке, — привлекал янтарь с инклюзами. Популярны были как природные образцы, так и имитации. В литературе XVI—XVII веков содержатся многочисленные подтверждения того, что подобные «изделия» наряду с экземплярами природного происхождения считались престижными. Поэтому в экспериментах с янтарем были распространены попытки не просто изготовить фальшивый минерал, но поместить внутрь «изделия» какие-нибудь красивые растения, различных насекомых и земноводных, зачастую таких, которые в качестве включений в настоящем янтаре встречаются редко или вовсе не встречаются. Особой популярностью пользовались лягушки, ящерицы и маленькие рыбки.

Обманы и подделки в значительной степени были обусловлены востребованностью и высокой стоимостью кусков янтаря с редкими растительными и животными включениями. Русский геолог и минералог Григорий Ефимович Щуровский писал об этом: «Появились янтари не только с различными насекомыми, но и с небольшими рыбками, ящерицами и т.п. Для этого брали обыкновенно две одинаковые пластинки янтаря, делали в них углубление, клали туда животных

и заливали копалом. То же вещество служило цементом для самих пластинок. Но если такой кусок янтаря положить в кипящую воду или в винный спирт, то копал распустится и обнаружит обман. Вместо янтаря часто продавали копал с различными насекомыми и другими органическими телами»⁷⁹.

Эстетическая привлекательность необычных образцов янтаря и экземпляров с включениями, как натуральных, так и поддельных, обеспечивала им место в домах состоятельных людей, а также использование в качестве украшений. Становились они экспонатами естественно-научных собраний и кабинетов редкостей.

Кроме того, начиная со второй половины XVI века инклюзы в янтаре становятся особой темой в кругу медицинского сообщества. Медики-коллекционеры выставляли принадлежавшие им образцы в первую очередь с целью демонстрации способности янтаря сохранять органические вещества, не допуская гниения и разложения.

Итальянский врач, математик, алхимик и основатель «Академии тайн природы» Джамбаттиста делла Порта в трактате «О натуральной магии» представил подробное описание своих экспериментов, направленных на то, чтобы разработать принципы хранения рас-

тительных и животных организмов. Избежать гниения и разложения, на его взгляд, помогает погружение вещи в смесь, не допускающую воздух. Для того чтобы сохранить «надолго», он рекомендует использовать мед, вино, уксус, соляной раствор (в зависимости от состава погружаемого в смесь объекта). А вот для того, чтобы сохранить «навечно», нужна особая смесь, которая сама не подвержена гниению и разложению. По словам делла Порта, для такого случая он использовал янтарь: «Сначала довел его до подходящей мягкости, а затем поместил в него то, что я хотел сохранить (законсервировать). Ибо там, где сквозь янтарь можно видеть, взору представляется совершенная форма того, что внутри, как будто живая. И таким образом она выглядит неиспорченной и неповрежденной <...> Таким способом я окутывал в янтарь пчел и ящериц, которых я показывал многим, и они были убеждены, что это были те самые пчелы и ящерицы, о которых говорил Марциал»⁸⁰.

В Кёнигсберге инклюзы в янтаре коллекционировал советник герцога Иоганн Полиандер, который очень гордился любимым экземпляром своего собрания — гусеницей в янтаре. Из каталога минералов врача из Торгау Иоганна Кентмана⁸¹ мы знаем, что он отобрал для своей коллекции куски янтаря, демонстрирующие его цветовую гамму: фалернский, зеленоватый,

Malle Martialis. i. *Figuram.* 37. & 118. & L. 1.
 178. 180.
 Et licet de ligno huiusmodi condita gatta,
 Quod videtur opus notare clausa fore,
 Quamquam hancum cretium tunc illa liberum
 Creticis est, ut jam se voluit mori.

A T U R.

Pileatus Tichotus omni jam cypra ferpsit,
 Tunc in adhaesum factus pauma ferpsit,
 Regem dum moratur simul se tunc tenet,
 Cetera regni tunc repetit velle,
 Non ubi esse. *Pileus* Clap. 1. *Pileatus*,
 178. 180. 181. 182. 183.

A T U R.

Dum Phatruet al. *Formica vesper* in umbra,
 Implens terram lacrima gatta ferpsit
 Et modo, que tunc videri videri manent,
 Foversus tunc est non praevalere.

Quae omnia in foetibus, mollicant in
 meo Musco, formati, Similibique, imo decem
 precitata, quae *Pileus* delecti, collicantur,
 in qua spes facies globi (pedum), tot
 differens, antea fuit. Mili praeferri au-
 tem ad nos Serechianus *Angustis* Dixi huius
 videntur & Lactoburgensis, Princes omni
 locum tunc genero raro cetero, exca-
 vilissima, pro ha in me reaque finalia affecta
 fano singulari, fructum facies, denico pal-
 mo longum, in quo plana exhalat lacrima
 imo in appropiatis, ut molli in ea incedunt
 fit, quod non hoc ferpsit in magna natu-
 rum admodum, spectet *Lactis* velat *Fi-*
gram hic appropiatis. Mentis, in ubi in
 Caspianica *Fraxini* *Casimiri* *Reheris*,
 fuisse fructum videri, in qua tunc tunc bo-
 nere randa sibi *Epulchrum* telegat.

Quaevis tunc, quomodo huiusmodi
 antea, necessest in facies pollicenti,
 quomodo ingreditur cur in tunc in
 facie non comparat? Et quanto admodum
 paulo ante allegat, aliquo modo rationem
 aliquid, qui tunc curris non fuisse,
 ego modum paulo laculentis exponam.
 Cum itaque huiusmodi ingreditur adhuc
 et male tunc huiusmodi in huiusmodi,
 fit ut ibidem inter aream & fixa collectum

*Formica
 vesper
 in
 umbra
 ferpsit*

*Cypra
 clausa
 in
 gatta
 ferpsit*

focetur ab his beneficiis, unde mundus in-
 justus, foveat & colore attrita, tunc angue
 illud infirmitate, simul etiam tenacitate ma-
 teries in his vico quodam occupantem, quo

Non parat huiusmodi nihil regni.

Docet *serpsit*, *Figura* & *Docet* *Angulis*
 Luchburg. & *Brachycaea*.

com te expedire non valetur, interior decem-
 matis maris huiusmodi, mobilis adhuc materia,
 pulchris in phobos aut aliam ferpsit selegit
 citri, atque hoc paulo optata & modo tradere
 naturam omnimode invidere in modum
 iam obvoluta feculentam. Atque hanc oppo-
 sitionem esse, sibi aliterum publico, annu-
 culum in modo *Staccia* temperatam, effe-
 trilliam & quae dextere arena fuisse obno-
 dia, succis temperet in lapidem, nihil hoc
 electrico sepulchri monumentum locuosa in-
 ducatur.

CAPIT. V.

De animalibus Electricis.

Electricum pulvis, Bipalis, & quatuor
 levis in se attrahere, jam antea re-
 rum naturam ferebatur. *Thalysia*
serpsit, *Pileus*, *Clap.*, *Salvo*, ceterisque immo-
 nit, & huiusmodi experimentis tunc huiusmodi
 et tunc tunc comprehendit, fuerit tunc tunc
 rum tunc, ab illis temporibus ad hunc usque
 profectum tunc, quomodo tunc propositum et

le dum per se sentiam, & semper sibi
 pertinet, succosum omnia levis, prae-
 ferunt, tunc in qua tunc ingreditur, tunc
 que antea in differentia ad se attrahit, pul-
 vum tunc tunc, non committit in committit
 motum occupant huiusmodi, non foveat
 quilibet alius ocula, sive pulvis, foveat
 tunc, tunc oculos & per se tunc, foveat
 tunc

светло-желтый, золотисто-желтый, цвета шафрана, алый, темно-красный, почти черный и др. Образцов с включениями в коллекции было всего семь. Среди включений — муха, муравей, белая бабочка, комар и даже целый рой комаров (этот экземпляр Кентман получил от Андреаса Аурифабера, о чем свидетельствует запись, сделанная в каталоге).

В кабинете редкостей крупнейшего итальянского коллекционера Манфредо Сетталы особое место занимал образец янтаря с двумя лягушками.

Когда немецкий ученый Афанасий Кирхер, основатель одной из известнейших европейских коллекций естественной истории и древностей, превращенной впоследствии в музей, получил в дар от герцога Августа Брауншвейгского ящерицу, заключенную в янтарь, то написал в благодарственном послании дарителю: «Наконец у меня есть уникальное и необыкновенное чудо, которое природа, играя, восприняла в янтарь»⁸². Созерцание этой ящерицы в янтаре стало одним из ярких эпизодов в путешествии англичанина Филиппа Скиппона, посетившего в 1663 году музей Кирхера, о чем он написал в своих заметках.

В размышлениях о происхождении попавших в его коллекцию экспонатов из янтаря Кирхер не допускал мысли, что они могут оказаться фальсификатами.

Он сообщает также о лягушке в янтаре, которую ему довелось видеть в коллекции кардинала Барберини, получившего этот привлекательный экспонат в дар от короля Владислава IV Вазы.

Именно лягушку в янтаре врач и коллекционер из Бреслау Иоганн Христиан Кундман в составленном им в начале XVIII века каталоге всех известных городских коллекций предметов искусства, книг и натуралий называет «наидиковиннейшей» (*das curiöste*)⁸³.

Поэтому неудивительно, что два экземпляра янтара с включениями (один — с лягушкой, другой — с ящерицей), которым посвятил свою поэму Херман, получили известность не только в Пруссии, но и далеко за ее пределами. В том, что эти образцы подлинные, не сомневались вплоть до середины XVIII века⁸⁴. Сам Херман поместил в первом издании своей поэмы под гравюрой с изображениями лягушки и ящерицы в янтаре такие строки:

А мать-природа лягушке и трепетной ящерице,
Заключенным в электре, создала душистую могилу⁸⁵.

Судя по всему, оба изделия были сотворены искуснейшим мастером, особенно лягушка, «погребенная в электре». Такую «могилу», по словам Хермана, «крайне редко встретишь во всем мире».

НАТУРФИЛОСОФСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ НА ТЕМУ ЯНТАРЯ

Поэтическое произведение Хермана интересно не только и не в первую очередь детальным описанием двух знаменитых экземпляров одной из прусских коллекций янтаря XVI века. Поэма напоминает нам сочинения эпохи позднего Возрождения, написанные в жанре «естественной», или «натуральной», истории. *Historia* на языке ученых этого времени — не хронологически организованная подборка сведений, а «исследование» и правдивое повествование о результатах изучения какого-либо предмета (растений, животных, камней)⁸⁶. Гуманистическая естественная история не стремилась к обобщениям и не занималась поиском причинно-следственных связей между фактами. Историческое знание ассоциировалось с изучением единичного и уникального в мире природы (в противоположность общему и типическому) и с детальным повествованием об этом. От ученого требовалось *предъявить* «вещь» со своими уточнениями и дополнениями.

Именно в духе требований естественной истории Херман «предъявляет» в своей поэме инклюзы в янтаре. Он обходит традиционный для жанра филологический компонент — перечень названий янтаря в разных

языках, а в остальном следует принятому кругу вопросов, который в исследовании янтаря определил своими сочинениями Георг Агрикола: уяснение происхождения и природы янтаря, описание его ловли в прибрежных волнах (типичный для Пруссии способ его добычи), объяснение происхождения инклюзов в янтаре, характеристика целительных свойств минерала.

Но, не ограничиваясь описанием заинтересовавшей его вещи, Херман заявляет о том, что его «философский дискурс», или «философское рассуждение», на эту тему — своего рода исследование. Более того, он выказывает метафизическую претензию: в процессе размышлений понять начало и конец вещей. Тенденция времени, в которое жил автор *De Rana et Lacerta...*, — стремление философствующих исследователей дешифровать «божественно-одухотворенные иероглифы» (А. Кирхер) в природе, приблизиться к постижению сокрытых от непосвященных тайных замыслов самой Матери-природы — проявляется и в его поэтическом творчестве.

К чему обязывает автора конца XVI столетия определение жанра сочинения рамками философского дискурса? В XV веке это понятие имело преимущественно негативный смысл и означало вести не слишком внятный и долгий монолог, уводящий в сторону от вопро-

са. Но по канонам риторики конца XVI века дискурс рассматривается как метод, с помощью которого можно не только правильно построить речь, но и извлечь из существа предмета сокрытые в нем истины. Для Хермана большинство вопросов, связанных с природой янтаря, относится к сфере тайного, еще непознанного. Особенно сложной загадкой, на его взгляд, является происхождение инклюзов в янтаре, единодушно признаваемых его современниками чудом природы (*Miraculum Naturae*).

Претензия не просто на повествование о янтаре, а на философское рассуждение — еще одна деталь, которая роднит Хермана с Гёбелем-старшим. Так, читаем у Гёбеля: «И хотя об этом (природе янтаря. — *И. П.*) многие прекрасно рассуждали, однако, так как после этого все еще, словно из троянского коня, появляются новые, и притом ложные, предположения, то я вкратце изложу истинное мнение: ибо не менее недостойно для усердно занимающегося философией скрывать истину, чем судить о вещах легкомысленно»⁸⁷.

АРОМАТНЫЙ СОК ЗЕМЛИ

Вслед за живописанием объектов своего внимания автор поэмы излагает мнение по наиболее общему

вопросу, ставшему для ученых той эпохи исходным в рассуждениях на данную тему,— вопросу о происхождении янтаря.

Размышления Хермана по поводу происхождения и природы янтаря, как и взгляды многих немецких ученых его времени, в данном вопросе ориентированы на концепцию неорганического происхождения янтаря Георга Агриколы. Ее принимали прусские врачи Андреас Аурифабер, Северин Гёбель-старший, Северин Гёбель-младший, немецкий ботаник Валерий Кордус; подобной точки зрения придерживался итальянский математик, медик и астролог Джироламо Кардано.

Агрикола считал, что янтарь образуется в недрах земли из жидких битумов и вытекает на дне моря: «Крепость морской влаги стущает жидкий битум (в другой версии — жидкий горный воск. — *И. П.*), стекающий в нее из скрытых источников, в янтарь и в агат»⁸⁸. В соответствии с этим полагали, что янтарь «выбрасывается морем при волнении, поднимаемом ветрами определенных направлений, на берег»⁸⁹. Вслед за Агриколой Херман утверждает, что янтарь, который в большом количестве собирается в «прусских пределах», является одной из разновидностей природного битума («струящимся» битумом).

Битум — одно из популярнейших понятий в европейской науке о камнях и минералах второй половины XVI века, которое Херман, обратившись в Виттенберге к геологии, не мог не усвоить. По определению Агриколы, это «жирный сок», родственный по природе сере, похожий на масло из-за своей жирности. Греки называли его асфальтом, а римляне — битумом. Из битума, согласно Агриколе, состоят многие другие вещества: нефть (нафта), камфора, мальта, писсасфальт, гагат, самофракийский драгоценный камень, фракийский камень, обсидиан, а также янтарь и амбра. Подчеркивалось, что этот «сок» имеет множество имен как вследствие многообразия присущих ему свойств, так и по причине особенностей языка народов, которые его (сок. — *И.П.*) используют. Так, битум называется «петролеум», потому что он вытекает из скал. Еще одно наименование, которое употребляет в своей поэме Херман, «нефть» («нафта»), пришло с Востока — так, по сведениям Агриколы, называли битум на своем языке вавилоняне.

В описании Хермана особый «восхитительный» битум исходит из земли или из выдолбленных гор, находящихся на побережье. Затем брошенный цельным куском в море он затвердевает и опускается вслед за подводными течениями на морское дно, скапливаясь

под морскими утесами. Темной ночью эта масса, словно сернистое пламя, выходит по волнам из глубоких впадин на гористый берег, соседствующий с Судовией. Херман полагает, что подобный процесс может происходить только в недрах чрезмерно жирной земли⁹⁰, где много пара и внутри клокочет жар, который сушит эту материю, а иссушив, стремится ее вытеснить. Поднявшийся ветер вместе с бурными волнами выбрасывает затвердевшую массу из морской пучины.

Вышеприведенная точка зрения на происхождение янтаря достаточно хорошо известна не только по книгам Агриколы. Здесь узнаваемы, отчасти даже по стилю, рассуждения по данному поводу Андреаса Аурифабера и Северина Гёбеля-старшего.

РАССУЖДЕНИЯ О ПРИРОДЕ ИНКЛЮЗОВ В ЯНТАРЕ

Таким образом, субстанция, в которую попали лягушка и ящерица, — битум или нефть (нафта). Поэтому вопрос о происхождении инклюзов в янтаре Херман связывает с вопросом о природе и свойствах нефти, которая как предмет научного интереса, на его взгляд, еще недостаточно исследована. Хотя насекомые и другие существа однажды «легко вошли» в янтарь, однако

вернуться обратно и выйти на воздух им не позволило удивительное свойство, присущее нефти, благодаря которому заключенные в нее тела не гниют и не стареют.

«Какая случайность, — спрашивает Херман, — некогда позволила этим маленьким пресмыкающимся войти в прозрачный янтарь?»⁹¹. Согласно объяснению Агриколы, все включения «или влетали в жидкую смолу, когда она вытекала из земли, или вползали и натыкались на нее, или когда она уже вытекла в море, а они плавали на поверхности и, окруженные смолой, вместе с ней превратились в камень»⁹². Херман принимает и развивает эту точку зрения, рассматривая вышеприведенное объяснение в качестве внешней причины того, как маленькие существа попадают в прозрачный янтарь. Если на поверхности волн плавала свежая нефть, все еще не застывшая жидкость, то к ней устремлялись пчелы, мухи и другие насекомые. В ином случае, горная жила извергала нефть на побережье, и на самой границе с морем собирались всякие маленькие «созданыца», привлеченные приятным запахом жирной почвы, чтобы насладиться «благоуханным соком». Насекомые также, по словам Хермана, могли соскальзывать в клейкий битум с крутых скал, подходящих к водной глади. Данное объяснение уже знакомо нам из *De Natura Fossilium* Агриколы.

Северин Гёбель-старший в *De Succini Libri Duo* также писал о попавших в янтарь рыбах: «Либо рыб привлекает приятный запах, либо они устремляются в поисках пищи, либо они несутся в слепом порыве в прозрачный и сверкающий битум, не без теплых испарений вытекающий ключом на дно моря; именно так они обычно и следуют неотступно за освещенной блеском знойного солнца водой»⁹³.

Но на этих объяснениях Херман не останавливается. В поиске внутренних причин происхождения инклюзов в янтаре он высказывает еще два предположения, одно из которых несколько необычно даже для эпохи позднего Ренессанса, когда научные сведения и объяснения были тесно перемешаны с элементами вненаучного знания (астрологии, магии) и религии.

Суть первой интерпретации в том, что «все твари», попавшие в янтарь, были рождены в глубочайших недрах земли. Природа своей тайной силой создала там разнообразные явления. Ведь мы допускаем, говорит Херман, что из разложения одного рождается другое: когда гусеница истлевет, появляется бабочка; шершень рождается из разложившейся плоти коня и др. Поэтому несомненно и то, что «в глубоких недрах земли есть какие-то ходы и рассеянные то там то тут полости, в которых гниение воспроизводит маленьких животных. Если

они оказываются поблизости от теплых потоков, в которых недавно родилась нефть и из которых она исходит, то легко к ней подходят и легко попадают в нее»⁹⁴.

Данную версию, судя по всему, Херман позаимствовал у Гёбеля-старшего, который писал: «Так как, действительно, теплые и влажные места особенно подвержены гниению, то нет сомнения, что в этих подземных пустотах рождаются всякого рода насекомые, возникающие от гниения. Ведь мы не без уверенности можем установить в этих пустотах наличие различных закоулков, которые содержат более чистую землю, смешанную с пресной водой, которая, нагреваясь либо от застоя, либо от испарений, начинает гнить и доставляет вещество для порождения мелких животных»⁹⁵.

В этом же русле строил свои рассуждения упомянутый выше делла Порта, утверждая, что лягушки и мыши зарождаются в гниющих останках; змеи — в черепаках, а пчелы — в трупах быков⁹⁶. А еще раньше мы находим поэтический пассаж на данную тему в «Георгиках» Вергилия⁹⁷.

Другое объяснение происхождения инклюзов, выдвинутое Херманом, более сложно и лежит в области метафизической. Оно строится на идее превращения форм (своего рода бестелесных «рисунков», созданных природой) в новые тела. Механизм всех этих

превращений Херман объясняет, апеллируя к божественному вмешательству, некоей тайной силе. Когда-то божественная воля была нарушена и весь мир погрузился во всеобъемлющие волны. В этой сумятице вод невозможно было различить ни моря, ни суши. Горы, города и крепости перевернулись. Вещи путем столкновения и давления оставляли свои очертания на камне, переходя в другие тела. Такие рисунки, которые не являются останками какого-либо живого существа, а возникли в результате давления, природа создала и внутри янтаря.

В этих рассуждениях Хермана просвечивает характерная для алхимической традиции идея трансмутации, всеобщего превращения веществ и элементов, происходящего во чреве Матери-Земли: «Эти вещи или Природа-мать создала, или морской хаос смешался с покрытой [им] землею <...> Однако в глубоких недрах Земли находятся они все, коих требует различное использование человечеством»⁹⁸. Такое превращение объяснялось единством материи, способной принимать различные формы, комбинирующиеся между собой и производящие множество новых форм. Первичная материя не есть какое-либо тело и определенная форма, она содержит в себе все возможные свойства. Таким образом, у Хермана и чудо природы, янтарь с инклюзами, подчиняется этим принципам.

На вопросы о природе янтаря и происхождении включений в нем у науки, по словам Хермана, нет окончательного ответа. Инклюзы в янтаре он считает великим и загадочным явлением, не объясненным с позиций разума или опыта. Истинные, хотя и скрытые, причины этих удивительных созданий природы прусский поэт усматривает в глубинах рождающей Матери-Земли, источнике всех вещей, разнообразие которых возникает из ее глубоких недр по воле Бога. «Почему бы мне не поверить, — пишет Херман, — что янтарь некоей тайной силой изменяет вещь, которой завладевает, внутри себя? И изменяет [ее] в вещество своего собственного клея, хотя сама форма остается неизменной. Так, когда легкомысленная лягушка однажды подошла к запретной пещере с сочным клокотанием, она внезапно прилипла, захваченная разлившимся битумом, и была превращена в электр: и так сохранялась форма, но ничего от лягушки, кроме посмертной маски, не дошло»⁹⁹.

В заключение рассуждений о янтаре Херман, отдавая дань традиции избранного им жанра, затрагивает тему медицинского применения минерала. Он излагает несколько известных в XVI веке рецептов, ранее приведенных в сочинениях Плиния Старшего, Павла Эгинского (Агинеты), Эразма Стеллы, Андреаса Аурифабера и Северина Гёбеля-старшего. Порошок янтаря,

растворенный в напитке, рекомендуется использовать женщинам для стимуляции родов (очень известный рецепт Агинеты); при закупорке сосудов мозга может помочь вдыхание дыма от янтаря. Но наибольшее внимание Херман уделяет янтарному маслу. Оно упоминается как средство от простуды (рекомендуется смазать небольшим количеством макушку головы), от головокружений и для стимуляции деятельности мозга (три капли нанести на сахарный кружочек). Такие сахарные кружочки с нанесенными на них каплями янтарного масла, как передает Херман, «рассеивают, прерывают и изгоняют ветры и препятствуют тому, чтобы процессы гниения каким-либо образом вредили внутренним органам и жизненным силам организма»¹⁰⁰. В этом вопросе источники Хермана — сочинения прусских врачей. Эразм Стелла и Георг Агрикола о янтарном масле не писали, уделяя внимание янтарному порошку и янтарным пилюлям. Одними из первых, в чьих работах мы находим описание производства и использования янтарного масла, были Андреас Аурифабер и Северин Гёбель-старший¹⁰¹. Аурифабер лично производством янтарного масла не занимался, но принимал участие в экспериментах своего друга — Валерия Кордуса, который описал способы получения этого ценного продукта, служившего не только

лекарственным средством, но и дипломатическим подарком. Аурифабер также был хорошо знаком с нюрнбергским врачом Иоганном Магенбухом, наделенным привилегией изготовления масла и доставки его ко двору прусского герцога.

Не меньшим чудом, чем инклюзы в янтаре, считает Херман Величские соляные горы под Краковом. Еще один шаг к пониманию «начала и конца вещей» он видит в ответе на вопрос, поставленный в конце поэмы: почему Величские горы, возникшие из соли, со всех сторон простираются такой длинной цепью и гигантскими ущельями, в то время как люди веками тратят огромные усилия на поиски соли? Не вдаваясь в рассуждения по данному поводу, автор поэмы о лягушке и ящерице предлагает объяснить еще один удивительный феномен природы обитателям «янтарного побережья» в ответ на предложенное им (Херманом. — *И. П.*) повествование о природе янтаря и происхождении включений в нем.

Стремление к наслаждению красотой природы, характерное для гуманистов эпохи Возрождения, у Хермана соседствует с теоретическим интересом, желанием понять и объяснить истинные причины (начала), всего удивительного и прекрасного, явленного взору человека. Созерцание инклюзов в янтаре (и даже мастерски исполненных их имитаций), вызывавших

восхищение у тех, кто приезжал на Балтийское побережье Пруссии, стимулировало натурфилософские размышления о природе и свойствах янтаря, а также укрепляло хорошо известный в ту эпоху постулат, выраженный в поэме такими словами: «Едва ли существует более великое чудо, преисполненное Божественной волей, чем мир»¹⁰².

КНИГА-ЛЕГЕНДА

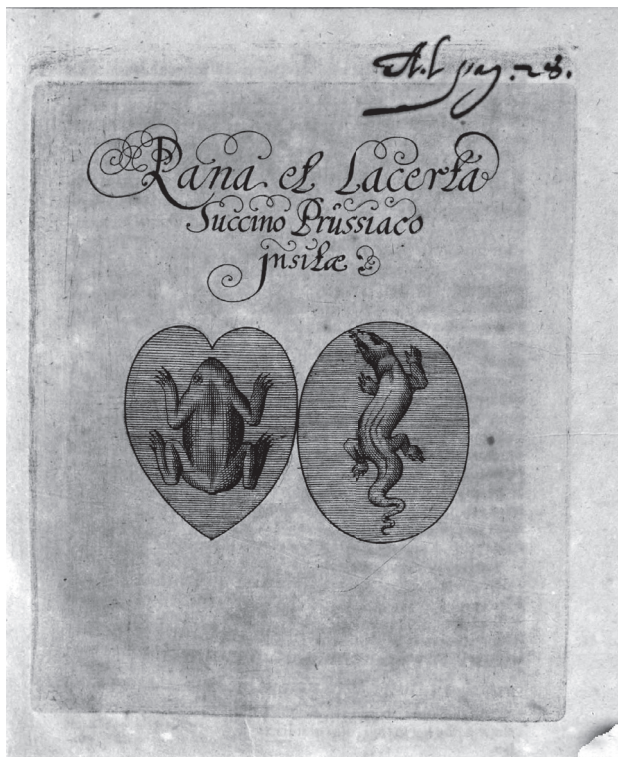
О том, что поэма стала известной за пределами Пруссии, пишет сам Херман в предисловии к первому рижскому изданию своего сочинения. Подтверждением этого служит также эпиграмма, специально написанная Кверенги к вышеупомянутому изданию. Но примечательно также то, что многим читателям поэмы Хермана изложенные в ней идеи и материал показались достаточно убедительными, чтобы воспринимать ее как серьезный источник в области объяснения природы и свойств янтаря. Книгу Хермана (ее первое издание) приобрел для своего собрания Улиссе Альдрованди, владетель одного из самых известных кабинетов редкостей в Италии¹⁰³.

В 1666 году профессор Виттенбергской академии Юстус Фидус Клобиус издал сочинение под названи-

ем «История амбры»¹⁰⁴. Его значительная часть посвящена уяснению отличий между амброй и янтарем, так как в литературе на протяжении нескольких веков слово *ambra* употребляли и для обозначения янтаря. Интересно, что наряду со ссылкой на поэму Хермана автор поместил изображение лягушки и ящерицы. Однако это изображение, композиционно совпадая с тем, что мы видим на титуле нескольких изданий поэмы, сделано с совершенно другой гравюры. Ее автор, похоже, видел когда-то опубликованный оригинал, но не смог его точно воспроизвести и не пожелал признаться в этом.

В систематический справочник литературы по естественной истории, экономике и другим связанным с ними наукам и искусствах, составленный немецким ученым Г. Р. Бёмером в конце XVIII века, поэма Хермана включена в качестве источника сведений по янтарю наряду с сочинениями Аурифабера, Гёбеля-старшего и Гёбеля младшего, Гартмана, Зенделя и других авторов, которые в теме янтаря представляли мир науки в XVI—XVII веках¹⁰⁵.

И даже в XIX веке, в 1838 году, надворный советник и врач из Баден-Бадена Я. А. Питшафт в статье «Естественно-исторические, медицинские конспекты и заметки на полях», опубликованной в «Журнале

Титул книги Ю.Ф. Клобиуса «История амбры»
© Баварская государственная библиотека, 4 М. med. 123

Regis Equus Stephani forma gressuq. superbus,
Et cursu velox, propè vineæ conditur arcem:
Qui moriens Regis fratrem prælagit esse
Sublatum è viuis: docuit quod fama sequuta.
Hinc Statua erecta est, monumenti testis equum.
At Natura parens, Rana, tremule q. Lacerte
Electro inclusis, tumulum construxit odorum.

De Rana

Лягушка и ящерица на страницах первого издания поэмы
Даниэля Хермана

© Саксонская земельная и университетская библиотека, Lit. Lat. rec.
A. 380, misc. 23

практической медицины Х. В. Гуфеланда», ссылается на поэму Хермана, который назван им почему-то «одним из бреславских теологов»¹⁰⁶.

Перечень ссылок можно было бы продолжить, но в данном случае важно лишь подчеркнуть сам факт такого специфического восприятия поэтического произведения, в целом характерного как для времени жизни автора поэмы, так и для двух последующих столетий.

Упоминание о поэме Хермана стало также наряду с эпиграммами Марциала традиционным в легендах, составляемых для разделов, посвященных инклюзам в янтаре, в каталогах кабинетов редкостей и естественно-научных коллекций XVII—XVIII веков.

В заключение следует отметить, что в тексте поэмы Хермана встречается как греческое название янтара («электрон», греч. ἤλεκτρον, в латинской версии *Electrum*), так и латинское — «суккиnum» (*Succinum*). Слово *Electrum* употребляется в двенадцати случаях (строки 1, 19, 29, 75, 117, 160, 169, 222, 229, 272, 275, 276), *Succinum* — в шести (строки 7, 50, 97, 123, 145, 216). Предпочтение, оказываемое греческой версии, объяснимо. Как писал Андреас Аурифабер, «это на-

звание янтаря было в ходу у греческих врачей, а также у поэтов»¹⁰⁷. Ярким примером его использования во второй половине XVI века служит эпитафия, сочиненный швейцарским гуманистом Конрадом Гесснером к книге Северина Гёбеля-старшего о янтаре: «В этой небольшой книге Гёбель, по прозвищу "Электр", весьма красноречиво описал для нас янтарь Гелиоса, за что и заслужил большое уважение»¹⁰⁸.

Фрагменты о янтаре греческих поэтов (Никандра, Никия, Филоксена, Сатира, Дионисия и др.) последующим эпохам известны в основном по ссылкам из «Естественной истории» Плиния. Но выпускник гимназии Иоганна Штурма вполне мог быть знаком и с отдельными сохранившимися оригиналами. В среде гуманистов XVI века были популярны сочинения Лукиана из Самосаты, который сочинил своего рода притчу по мотивам мифа о рождении янтаря под названием «О янтаре, или о лебедях» (Περὶ τοῦ Ἠλέκτρον ἢ Κύκων)¹⁰⁹, где янтарь, конечно же, назван электроном.

Форма изложения для Хермана несомненно важна. Так, к примеру, он говорит о своих «героях»: «ничтожнейшие рептилии, снабженные мною *лукрецианскими* одежаниями», намекая на похвалу Яна Замойского, который считал поэму о лягушке и ящерице «достойной пера Лукреция»¹¹⁰.

Но не следует забывать и о претензии Хермана на научное исследование и философское рассуждение. Последователь Агриколы в интерпретации природы и свойств янтаря, он использует латинский вариант прежде всего в том стихе (строка 50), где начинается изложение суждений «отца минералогии» о происхождении янтаря из «жирного сока земли». Как известно, слово *Succinum* (янтарь) этимологически связано со словом *Succus* (сок). И было бы странно, хотя для поэта и позволительно, в духе веяний времени начинать повествование о янтаре как особом роде битума, употребив древнее *Electrum* греческого происхождения (*Sic quoque Prussiacis, quae multa leguntur in oris / Succina, credibile est fluidum illa fuisse bitumen*).

Еще в трех случаях (строки 7, 97, 123) Херман обнаруживает последовательность и знакомство с научным материалом той эпохи, употребляя *Succinum* в словосочетании *pellucida Succina*. Это устойчивое выражение использовали для описания прозрачных видов янтаря различного цвета. Первый систематический каталог минералов ученого и врача из Торгау Иоганна Кентмана, опубликованный Гесснером в 1565 году, содержит специальный раздел *Succina liquida sey pellucida*¹¹¹. Образцы янтаря с «плотной», непрозрачной структурой в коллекции Кентмана были

объединены рубрикой *Succina crassa non pellucida*. Правда, для характеристики янтаря с включениями Кентман применяет специальное словосочетание *Succina gravida*, но для Хермана в описываемых им экземплярах из данцигской коллекции важно подчеркнуть красоту камня, поражавшую всех, кто имел возможность созерцать заключенных в янтарь лягушку и ящерицу: прозрачность, лучистость, свечение.

Можно также попытаться объяснить, почему Херман не выносит *Electrum* в маргиналии, даже в тех случаях, когда они идут параллельно местам поэмы, где это слово употребляется. Пометки на полях — это своего рода конспект, сжатый комментарий, в котором важно обратить внимание читателя на содержание в соответствии с расставленными в нем смысловыми акцентами. И это содержание у Хермана обусловлено идеями Георга Агриколы, последовательно использовавшего *Succinum* для обозначения янтаря в своих текстах.

Л. В. Сыроватко

«DE RANA ET LACERTA...»
ДАНИЭЛЯ ХЕРМАНА:
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

Произведение, к чтению которого приступает читатель,— *De Rana et Lacerta...* — написано в жанре дидактической поэмы. В наше торопливое время эта жанровая разновидность (как, впрочем, и сама поэма) выглядит архаично. Преемником ее еще во второй половине XIX века стал лирический цикл или книга стихов; попытки реанимировать жанр — прежде всего в форме романа в стихах или поэмы исторической — даже предпринятые такими мастерами, как А. А. Блок или Б. Л. Пастернак, представляются все же неудачными. Однако именно эта жанровая разновидность была некогда особенно живучей.

Отцом дидактической поэмы принято считать Гесиода, создателя «Трудов и дней». Уже в античную эпоху эта жанровая разновидность воспринималась как противоположность гомеровскому эпосу, насыщенному действием, изобилующему персонажами (отсюда и другое название ее — «описательная»). Предмет изображения в эпической поэме — война («Илиада», отдельные главы «Энеиды», позднейшие произведения от средневековых стихотворных повествований о рыцарских подвигах до «Петриад» и «Россиад» XVIII века), путешествие («Одиссея» и стержневое повествование эпоса Вергилия). Такой сюжет дает возможность изобрести множество перипетий, ввести множество персонажей, способствует определенной конфликтности, драматизму их взаимоотношений. Словом, напряженность сюжета возрастает в разы. Описательная же поэма не повествует: она *исследует* предмет, погружается в него, представляет свод доступных человеческому познанию сведений о нем вплоть до мельчайших подробностей, стремясь к исчерпываемости. Для этого жанра нет тем высоких и низких: в дошедших до нас античных произведениях с равной тщательностью говорится о созвездиях, детских играх, косметических средствах, рыбной ловле, лекарствах от прыщей, кашля

или поноса... Знаменитые *Ars amatoria u Remedia amoris* Овидия — тоже не что иное, как дидактические поэмы.

Дидактическая поэма просуществовала довольно долго — еще Байрон испытал ее влияние и в то же время возмущался ее — с его точки зрения, конечно же — «бессмысленностью». Были, видимо, в ней такие черты, которые способствовали тому, что она «пришлась ко двору» и Средневековью, и Ренессансу, и барокко, и Просвещению. М. Л. Гаспаров выделяет главные достоинства этого жанра для поэта — свободу в выборе тематики и относительную сложность формы, повышавшую самосознание творца: «Дидактическая поэма позволяла широко привлекать новый и необычный материал. Освоение нетрадиционного поэтического материала традиционными поэтическими средствами было трудной задачей, и удачное ее разрешение ценилось очень высоко». Гаспаров отмечает также черту, особенно привлекательную для художников философского склада ума: «бессюжетность и безгеройность» дидактической поэмы, далекой от всякого эгоцентризма и антропоцентризма: в ней «человек совсем не центр вселенной и не предмет преимущественного попечения богов — слишком он для этого неразумно живет и непомерно страдает... <...> Чело-

век — лишь частица огромного мира природы, и даже не главная частица; в мировом круговороте он повинуется общим законам, и чем покорнее повинуется, тем лучше для него»¹¹².

Вот, пожалуй, главная причина столь долгой жизни описательной поэмы. Каждая эпоха и каждая национальная литература находили в ней свое. Средневековым авторам этот жанр предоставлял возможность выявить *универсальность* предмета описания, т.е. показать, как *res* — вещь, сущность — включена в иерархию других тварных вещей, в совершенное создание Творца — *Universum*. Мир читался как священный текст, в котором любая тварь была словом, пелся, как хвалебный гимн Создателю. В этом гимне сливались миллионы голосов, и у каждой частицы бытия, от инфузории до планеты, была своя партия. Ренессансные гуманисты исследовали тот же *Universum*, но под другим углом — точкой отсчета, мерилom и целью этого исследования становился человек, его духовные и материальные потребности, его главенствующее место во Вселенной; но человек предстал в жанре, о котором мы говорим, не личностью со своим волением, характером, вектором приложения сил, а микрокосмом — сложно организованным миром, многоуровневой системой. *Doctus poeta*

эпохи барокко с особой пристальностью погружался в бездну — морскую пучину, земные недра, небесный простор или нутрь организма, каждую сущность рассматривая как иератическую эмблему Бесконечного. В эпоху Просвещения автор дидактической поэмы действовал как анатом, скальпелем-Разумом препарируя Природу, дабы взвесить, всесторонне изучить ее члены и составы, выявить изъяны, внесенные в безгрешную природу страстями человеческими, и в приличествующем наставлении предложить способ лечения оных.

Даниэль Херман творил на стыке двух эпох, двух стилей. Он принадлежит к тому поколению, при жизни которого уже назревала будущая национальная катастрофа — Тридцатилетняя война, погубившая и расчленившая по всему миру две трети населения Германии.

Однако и во времена более поздние, когда Реформация активизирует процесс обращения к национальному языку, когда появится «Книга о немецкой поэзии» Мартина Опица и вслед за этим трактатом — другие национальные поэтики, латинская дидактическая поэма не исчезнет.

Причин тому несколько. Первая и, вероятно, основная — тяготение к единству, к преодолению разобщенности если не в географическом, то хотя бы

в культурном пространстве, что для раздробленной Германии было особенно важным. Достичь этого, обращаясь к национальному языку, так же, как и страна, разъятому — на диалекты — было невозможно. Единый язык немецкой литературы еще не сложился; этот процесс займет без малого два с половиной века. Пока же это своего рода огромная лингвистическая лаборатория, в тиглях и ретортах которой поэт-алхимик смешивает разнородные вещества, экспериментирует, пробует — пока безрезультатно. Явное несоответствие устоявшемуся жанру — да и темам, требующим отточенности словаря и грамматики, некоторого консерватизма, недвусмысленности понимания.

Особенности жанра и были второй причиной обращения поздних немецких гуманистов и раннего барокко к латинскому языку в литературе тогда, когда он уже ушел из богослужения. Немецкий язык связывали в основном с бюргерской культурой, тяготевшей к жанрам по преимуществу сатирическим, — шванкам, рыночным сценкам, поэзии вагантов. Стихотворные произведения, написанные на немецком языке, соотносились с песенными метрами и соответствующими художественными средствами. Для высокоумной тематики и неспешного хода дидактической поэмы, писавшейся дактилическим гекзаметром, который, казалось,

словно рожден был с этим жанром, в немецком языке еще не существовало возможностей. Не так уж мало времени оставалось до появления «Везувия» Мартина Опица — первой описательной поэмы, созданной на родном языке, а не на латыни, с использованием народных метров. Но ведь и тематика «Везувия» давала возможность применения таких средств: буйство стихии, сопоставляемое с людскими бедствиями, некоторый «лирический беспорядок» и взволнованность авторской речи здесь вполне уместны.

Была и третья причина длительного — чуть ли не до XVIII века — использования латинского языка в дидактической поэме. В качестве адресата подобного произведения, посвященного научным мнениям автора и своду воззрений его предшественников, подразумевался широкий круг ученых мужей и высокообразованных дилетантов (как правило, из числа правителей), принадлежавших не только к немецкой аристократии. Для этого международного сообщества немецкий язык все еще провинциален и недоступен; впрочем, как и иные национальные языки, исключая разве что французский и итальянский (благодаря намечающемуся господству словесности и музыкального искусства, в котором эти страны в ту пору первенствовали). Латынь была не только универсаль-

ным языком науки; в то время, когда создавалась *De Rana et Lacerta...*, даже произведения этого жанра, написанные, скажем, на французском или английском, испещрены многочисленными латинскими терминами и цитатами. Различного рода реминисценции из античных авторов, отсылки к греческой и римской мифологии и истории обязательны для культурного писателя.

Вот какой жанр избирает — и использует, живописуя два знаменитых камня с инклюзами из коллекции Яски из Данцига, — Даниэль Херман. В его поэме мы найдем всё, о чем уже сказано выше. Прежде всего, это неспешный, подробный рассказ со множеством отступлений и кажущихся уклонений в сторону — чтобы не потерять нить повествования, автор все время возвращается к описанию инклюзов, и потому поэма напоминает старинный танец, в котором партнеры — рассказчик и читатель — удаляются в дальние углы зала, пол которого представляет собой изошренную мозаику, а после в медленном кружении возвращаются в отмеченную геральдическим рисунком точку отсчета — начало движения. Таким *punctum saliens* становятся в поэме образы «засевших в янтаре» «малых животных» (*bestia*). С натуралистического описания тел лягушки и ящерицы — а вернее

сказать, с их графического изображения, поясняющего название, которое играет роль своеобразного девиза (подписи, имеющей символический смысл), — и начинается произведение. Зачин весьма напоминает получивший огромную популярность в эпоху барокко жанр эмблемы с ее знаменитой композиционной триадой: изображение (один или несколько, но не более трех, значимых предметов, *res*) — эпитаграмматическая надпись (у Хермана — название и первый, собственно описательный, эпизод поэмы) — более или менее развернутый метафизический и натурфилософский комментарий (в нашем случае — собственно поэма).

Но если трактовать поэму в таком, барочном, ключе, — то о чем она, каков ее *эмблематический* смысл? Очевидно, о соотношении бренности, кратковременности и крепости, нерушимости, вечности; об игре случая и судьбе, между коими, если вдуматься, нет различия. Малые существа, привлеченные лакомым ароматом, по несчастной случайности попадают в клейкий раствор. Вместо пищи, необходимой им для продолжения жизни с ее скудными радостями и теми невеликими наслаждениями, которые она предоставляет столь смиренным тварям, как пресмыкающиеся и земноводные, бедняжки обретают мучительную смерть и... бессмертие: «пышную гроб-

ницу», саркофаг, тот самый «памятник», который, почти по Горацию, превосходит египетские пирамиды. (Это — одна из прозрачных античных реминисценций поэмы, безусловно, соответствующая эпиграмматической ее составляющей, так как восходит к небольшому циклу об инклюзах, приписываемому Марциалу.) Бессмертие «малых тварей», впрочем, трактуется автором отнюдь не в гимнически-пафосном ключе. Скорее это похоронная песнь, *френос*: лягушка и ящерица оказались навечно запечатлены в судорожном посмертном движении, они явлены миру в вечно длящейся агонии.

Далее следует приличествующий *doctus poeta* натурфилософский комментарий — подробное изложение известных автору из разных источников теорий о происхождении янтаря. Не ограничиваясь только лишь сухим изложением фактов, Херман вплетает в повествование красноречивые описания морской пучины и подземной бездны, исполненной темного пламени. Эпитеты и описательные обороты частью авторские, частью заимствованы из Античности — такова, например, «крутая гора водяная», в «Энеиде» Вергилия (1:105) рассеивающая корабли троянцев, у Хермана же — уносящая в море бесчисленное множество насекомых, земноводных и пресмыкающихся,

привлеченных запахом «жирной смолы»: *Franguntur remi; tum prora avertit, et undis dat latus; // insequitur cumulo praeruptus aquae mons*. Таков и традиционный зачин поэмы: сообщение о предмете, который автор намеревается воспеть, и обращение к Аполлону (*dexter Apollo*) с просьбой о вдохновении. Из Рима имперского этот зачин переходит в Рим христианский: *totum memoranda per orbem, Fert animus celebrare* — поэтические формулы, которые (с небольшими вариациями) можно найти и в «Метаморфозах» Овидия (1:1—2), и в средневековом трактате о святых королях. Вкрапления отдельных поэтических оборотов и идиом встречаются во всем тексте поэмы: таковы *siccis arenis* в описании низменностей — ср. *humus aret siccis arenis e paludosa* (Овидий), ... *litus multaque animalia maris siccis arenis detinebat...* (Плиний Младший), или *animi dubius* при изображении колебаний поэта и ученого — ср. *nec sum animi dubius verbis* (Вергилий, «Георгики»), или идиоматическое выражение *forte fluenti* (как-то, однажды). Есть в поэме и строки, восходящие к традиции пародийных поэм — травестийных, бурлескных, — таково обращение автора к лягушкам с просьбой оставить в покое его огород за то, что он воспел одну из них, да и сам выбор «малых тварей» в качестве предмета описания.

Обилие античных реминисценций — обычное для описательной латинской поэмы явление, с которым читатель встречается и в произведениях авторов Средневековья, и в ренессансный период, и в литературе барокко и классицизма. Однако в целом, представляется, Херман, творивший, как уже отмечалось, на рубеже двух «больших стилей», поэтикой своей все же ближе к барокко, нежели к Возрождению. Барочны его тропы (не очень, впрочем, многочисленные ввиду натурфилософской по преимуществу тематики произведения), его синтаксис, достаточно прихотливый, — произведение изобилует инверсиями и анжамбманами, — и в особенности его образность. Наиболее ярко нарисованы Херманом, как уже отмечалось, две неизведанные бездны — морская пучина и подземные пропасти. Впечатляют и те строки поэмы, где говорится об агонии лягушки и ящерицы, где подчеркивается их малость, хрупкость, эфемерность их телесной оболочки. Всё остальное, что живописуется или исследуется в латинских стихах Даниэля Хермана, выглядит гораздо бледнее. Барочен по существу и принцип подхода к научному материалу — не столько универсализм («немного обо всем»), сколько любовь к подробностям, демонстрация многознания («всё о немногом»).

Поэтический перевод поэмы на русский язык осуществлен впервые.

Одной из главных трудностей в процессе перевода стала проблема передачи используемых автором синонимов (в том числе взятых из разных языков — латинского и греческого). Так, для обозначения понятия «янтарь» Даниэль Херман прибегает к латинскому *Succinum* и греческому по происхождению *Electrum*; нефть может быть названа и *Naphtha*, и *Bitum*; синонимы употребляются также при обозначении натурфилософских понятий Жидкость, Вещество, Форма, Вещь (Сущность) и др.

Общей тенденцией перевода было сохранение, где это возможно, самого принципа синонимии в тех случаях, где ощутима градация оттенков в синонимичных словах или где автор прибегает к синонимам во избежание речевых повторов. С этой целью переводчиком подбирались наиболее близкие к латинским по значению русские слова либо лексические синонимы, наиболее выразительные в художественном отношении. В том случае, где используются дублиеты (синонимы, отличающиеся происхождением, но тождественные по значению), при общей тенденции к сохранению синонимии в некоторых случаях переводчик оставляет за собой право на относительную свободу в подборе

аналогов в целях благозвучности или смысловой точности. Так, в большинстве случаев грецизм «Электр» решено было оставить без перевода, чтобы в тексте поэмы ощущалось его «книжное» происхождение, что сочетается с требованием стиля эпохи — демонстрация учености *doctus poeta*; *Succinum* же последовательно переводится как «Янтарь». Однако в стихах 1, 19, 20, 160, 272 *Electrum* переведено как «Янтарь» в целях соблюдения метра, благозвучия либо для более полного понимания читателем (первый стих практически копирует название поэмы, и употребление в названии слова «Янтарь», а в начале поэмы — «Электр» вызвало бы недоумение, не говоря о некоем комическом эффекте, автором не предусмотренном).

Одной из гипотез переводчика относительно употребления латинского и греческого обозначений янтаря первоначально было предположение, что *Electrum* — обозначение янтаря как вещества, а *Succinum* — янтарь как драгоценный камень (в этом случае Херман пользуется также синонимом *lapis*). Однако даже если этот принцип и наличествует, в поэме *De Rana et Lacerta*... он проведен настолько непоследовательно, что различие в словоупотреблении почти неощутимо. Вполне вероятно, что автор свободно оперирует синонимами, пользуясь ими в тех же целях, по каким переводчик

в пяти случаях позволил себе отступить от выбранного направления перевода — «подправить» гекзаметр или избежать стыка согласных.

В процессе перевода и подготовки поэмы к изданию внесена отсутствующая в тексте оригинала нумерация строк.

Русскому читателю, думается, поэма напомнит прежде всего произведения Ломоносова — «Письмо о пользе стекла», «Вечернее...» и «Утреннее...» размышления. (Следует отметить, что Ломоносов прекрасно владел латинским — но использовал его, в отличие от Хермана, исключительно в трудах, предназначенных для международного научного сообщества, и личной переписке.) Сходны с ней и некоторые строки Державина — в особенности его световая феерия в оде «Бог» (хотя, следует признаться, скромное творчество немецкого автора несопоставимо по уровню мастерства с державинской мощью).

Для читателя же калининградского важны будут не только художественные достоинства поэмы, но и ее тематика — изложение взглядов эпохи, к которой принадлежит Даниэль Херман, на происхождение и состав янтаря, главного сокровища прусских земель¹¹³.

Примечания

¹ Источником большинства справочных статей о жизни и творчестве Хермана, кроме его собственных поэтических сочинений, служат два исторических очерка, написанных Г. К. Пизански («Сообщение о прусском поэте Даниэле Хермане») и Т. Шиманом («Даниэль Херман. Ливонский гуманист»). См.: *Pisanski G. Ch. Nachricht von dem preussischen Dichter Daniel Hermann, teils aus den eigenen Schriften desselben, teils aus andern Quellen zusammengetragen.* Königsberg, 1758.4; *Schiemann Th. Daniel Hermann. Ein livländischer Humanist // Historische Darstellungen und Archivalische Studien. Beiträge zur Baltischen Geschichte.* Hamburg, 1886.

² Найденбург (*Neidenburg*) — в настоящее время город Нидзица в Польше.

³ *Schiemann Th.* Op. cit. S. 54.

⁴ Краткие сведения приведены в кн.: *Freytag H. Die Preussen auf der Universität Wittenberg und die nichtpreussischen Schüler Wittenbergs in Preussen von 1502 bis 1602.* Leipzig, 1903. S. 50.

⁵ *Schiemann Th.* Op. cit. S. 56.

⁶ *Ibid.*

⁷ *Lawenda T. Literacki wizerunek Jana Zamoyskiego — uczestnika kampanii moskiewskich Stefana Batorego — w dziełach pisarzy schyłku XVI wieku // Senoji Lietuvos literatūra.* 2011. Kn. 32. S.27.

⁸ Schiemanн Th. Op. cit. S. 56.

⁹ Альбертина — университет в Кёнигсберге, основанный в 1544 году прусским герцогом Альбрехтом.

¹⁰ Осиандристские споры в Кёнигсберге — череда богословских дискуссий, инициированных известным лютеранским теологом Андреасом Осиандером, в основании которых лежал вопрос о внешней и внутренней праведности христианина. Начавшись в 1549 году, споры не утихали вплоть до 1566 года, когда по решению присланной в город польским королем Сигизмундом II комиссии виднейшие сторонники Осиандера были казнены. Само учение позже было осуждено Формулой Согласия (1576).

¹¹ Schiemanн Th. Op. cit. S. 58.

¹² Регенсбург (нем. *Regensburg*) — город в Германии, в земле Бавария; находится у слияния рек Дунай и Регена.

¹³ Линц (нем. *Linz*) — город в Австрии, расположенный на берегу реки Дунай.

¹⁴ Вимсбах (нем. *Wimsbach*), в настоящее время Бад-Вимсбах-Найдхартинг (*Bad Wimsbach-Neydharting*) — коммуна в Верхней Австрии.

¹⁵ Штайр (нем. *Steyr, Steyr*) — город в Верхней Австрии в месте слияния рек Штайр и Энс.

¹⁶ В сборниках поэтических сочинений Хермана — прижизненном (1600) и посмертном (1614—1615) — его должность при венском дворе определена как *Caess. Al Epistolis Secretis*.

¹⁷ См.: Schiemanн Th. Op. cit. S. 62.

¹⁸ Орден иезуитов — официальное название Общества Иисуса (лат. *Societas Jesu*) — мужской монашеской ордена Римско-католической церкви, игравший ведущую роль в движении Контрреформации. Иезуиты, выступая против идей Лютера, Кальвина, Цвингли и др., пытались восстановить в Европе престиж и единство Римско-католической церкви.

¹⁹ См.: *Starnawski J. Poems of Daniel Hermann Borussus on the Foundation of the University of Zamość (1594) // Humanistica Lovaniensia. Journal of neo-latin studies. 1977. Vol. 26. P. 205.*

²⁰ Ковно (пол. *Kowno*) — в настоящее время город Каунас в Литовской Республике.

²¹ Вильно (пол. *Wilno*) — в настоящее время город Вильнюс, столица Литовской Республики.

²² Одной из задач «русской кампании» Стефана Батория было возвращение Полоцка, захваченного Иваном Грозным в ходе Ливонской войны в 1563 году. Осада крепости войсками Речи Посполитой велась с 11 по 30 августа 1579 года и завершилась капитуляцией гарнизона Русского царства. В осаде Пскова (1581—1582) неудачу потерпели поляки. В результате переговоров между противниками, в процессе которых Стефан Баторий требовал Полоцк и Ливонию, 15 января 1582 года был заключен Ям-Запольский мир между Русским царством и Речью Посполитой. Требования Батория были удовлетворены, военные действия с обеих сторон были прекращены сроком на десять лет. Этим было ознаменовано завершение Ливонской войны, начатой Иваном Грозным с Великим княжеством Литовским за обладание Ливонией.

²³ *Hermann D. Ad Tidemannum Gisium Dantiscanum, Argentina in Galliam discedentem, Anno 1567 // Poemata Rigae Livonum, 1600. Liber Primus.* Нумерация страниц отсутствует.

²⁴ Звание кардинала Юрий Радзивилл получил в 1584 году.

²⁵ *Hermann D. De Rana et Lacerta... // Poemata Rigae Livonum, 1600.* Нумерация страниц отсутствует. Перевод с латинского В. А. Сычинского.

²⁶ Вольмар (нем. *Wolmar*) — город в Ливонии; в настоящее время — Вальмиера в Латвии.

²⁷ См.: *Gadebusch F. K. Daniel Hermann // Liefländische Bibliothek nach alphabetischer Ordnung. Riga, 1777. Th. 2. S. 57.*

²⁸ См.: *Starnawski J.* Op. cit. P. 206.

²⁹ Книги помечены экслибрисом *Ex Bibliotheca Danielis Hermani Nidb. Boruss.*

³⁰ В настоящее время доктором филологии, главным библиотекарем Академической библиотеки Латвийского университета Айей Тайминой ведется научно-исследовательская работа по реконструкции книжного собрания Хермана.

³¹ Список поэтических сочинений Хермана приведен в кн.: *Recke J. F. von, Napiersky C. E., Beise Th.* Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Mittau, 1829. Bd. 2. S. 257—259. О поэтическом творчестве Хермана см. современные исследования: *Frisch M.* Daniel Hermann De vita literata sive scholastica. URL: <https://uni-marburg.academia.edu/MagnusFrisch/Conference-Presentations> (дата обращения: 28.11.2014). Анализ стихов Хермана и перевод отдельных фрагментов на польский даны в статьях: Т. Лавенды «Литературный образ Яна Замоиского — участника Московской кампании Стефана Батория — в работах писателей конца XVI века» и Е. Старнавского «Стихи Даниэля Хермана Прусского в честь основания университета в Замостье». См.: *Lawenda T.* Op. cit. ; *Starnawski J.* Op. cit. В настоящее время филологом-латинистом из Риги Лаурой Крейгере-Лиепиней поэма Хермана *De Rana et Lacerta...* переведена на латышский язык, готовятся статьи и научные комментарии к тексту.

³² Интеррегнум (лат. *interregnum*) — междуцарствие.

³³ Варфоломеевская ночь — ночь на 24 августа 1572 года накануне дня памяти святого Варфоломея, когда во Франции католики учинили резню гугенотов (протестантов-кальвинистов), уничтожив таким образом около тридцати тысяч человек.

³⁴ Окровавленное тело Колиньи протасили по всему Парижу на потеху черни.

³⁵ От лат. *Aula* — «двор».

³⁶ *Bellica* — (лат. «война»), *miscellanea* — (лат. «разное»).

³⁷ Ашераден — древний языческий замок в Ливонии, а также название окружающей его территории. В настоящее время — территория города Айзкраукле в Латвии.

³⁸ Краковские соляные копи — крупнейшие в Европе соляные карьеры; находятся в десяти километрах от Кракова, в поселке Величка.

³⁹ См.: *Hermann D. De Rana et Lacerta: Succino Prussiaco insitis. Danielis Hermanni Prussi Discursus Philosophicus. Ex quo sumi potest, de causis Salisfodinarum Cracoviensium naturalibus ratio cinandi Cracoviae, 1583.*

⁴⁰ Согласно легенде, один из первых представителей рода Батори, Витус Гуткелед, вызвался убить дракона, который поселился в болотах и пожирал местных жителей. Витус убил его тремя ударами своего копья и в награду получил замок, а также прозвище Батор (по-венгерски «мужественный»). На гербе изображены три горизонтальных зуба дракона.

⁴¹ Так как он победил диких зверей на охоте и врагов на войне,
А также укрощает пасть побеждённого волка,
То по этой причине волчьи зубы, словно рождённый врагом трофей,
Носит славный и древний дом Шимлеадов.
Что означает красный цвет на щите? Это — кровь. Так цари
Ведут кровавые войны, защищая Закон и свою паству.

Перевод с латинского В. А. Сычинского.

⁴² См.: *Crato von Crafftheim J. Consiliorum, et Epistolarum Medicinalium... Francofurti, 1593. P. 450—463.*

⁴³ *Aurifaber A. Succini historia: ein kurtzer, gründlicher Bericht, woher der Agtstein oder Börnstein ursprünglich komme, dass er kein Baumhartz sey, sonder ein geschlecht des Bergwachs, und wie man jnen manigfaltiglich in artzneien möge gebrauchen. Durch Andream Aurifabrum Vratsislaiensem, Medicum. Königsberg in Pr., 1551.*

⁴⁴ Типография была открыта в 1588 году по инициативе Давида Хильхена, друга Хермана.

⁴⁵ *Hermann D. De Rana et Lacerta... // Poemata. 1600.* Нумерация страниц отсутствует. Перевод с латинского А. В. Желонкиной.

⁴⁶ См.: *Crato von Crafftheim J. Consiliorum, et Epistolarum Medicinalium... Hanoviae, 1614.* P. 465—472.

⁴⁷ *Acta Borussica ecclesiastica, civilia, literaria, oder Sorgfältige Sammlung allerhand zur Geschichte des Landes Preussen gehöriger Nachrichten, Uhrkunden, Schrifften und Documenten. Königsberg; Leipzig: Christoph Gottfried Eckard, 1731.* Bd. 2, St. 1. S. 132—166.

⁴⁸ См.: *Ibid.*

⁴⁹ *Miscellanea Cratoniana Medica... Frankfurt am Meyn, 1629.* S. 231—237.

⁵⁰ Poetische Beschreibung des Preussischen Born: oder Agtsteins / darinnen ein Frosch / und Eydex geschlossen.

⁵¹ Фрагмент этого перевода приводит Карл Андре в своей книге о янтаре. См.: *Andrée K. Der Bernstein und seine Bedeutung in Natur- und Geisteswissenschaften, Kunst und Kunstgewerbe, Technik, Industrie und Handel. Königsberg (Pr.), 1937.* S. 18.

⁵² У Марциала три эпиграммы посвящены инклюзам в янтаре: «О пчеле, заключенной в янтаре» (XXXII) и «О змейке, заключенной в янтаре» (LIX), вошедшие в состав четвертой книги его сочинений, а также «О муравье, заключенном в янтаре» (XV) из книги шестой. В переводе на русский Ф. А. Петровского см.: *Марк Валерий Марциал. Эпиграммы.* СПб., 1994.

⁵³ См.: *Celtis C. De Rana cum Musca in Succino involutis // Fünf Bücher Epigramme.* Berlin, 1881. S. 13.

⁵⁴ Стихи Полиандера об инклюзах в янтаре в переводе В. А. Сычинского и Л. В. Сыроватко см. в приложении к изданию: *Полякова И. А. Иоганн Полиандер (1487—1541): гимн янтарю.* Калининград, 2012. С. 108—112.

⁵⁵ Перевод на русский Л. В. Сыроватко; см. там же.

⁵⁶ См.: Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel (HAB). 3049. 4.11. Aug. 4°. Pap. 22×16 ½ cm. 107 Bll; Biblioteka gdańska polskiej akademii nauk (PAN) Ms 1263.

⁵⁷ См.: *De cometis dissertationis novae*. Basileae: Leo, 1580.

⁵⁸ *Hermann D. De Rana et Lacerta...* Cracoviae, 1583. Нумерация страниц отсутствует. Перевод с латинского В. А. Сычинского.

⁵⁹ Вероятно, это произошло в данцигский период его жизни, предисловие к поэме отмечено датой 18 февраля 1583 года.

⁶⁰ См.: *Aurifaber A. Succini historia: ein kurzer, gründlicher Bericht, woher der Agtstein oder Bö [e] rnstein ursprünglich komme, dass er kein Baumharz sei, sonder ein Geschlecht des Bergwachs, und wie man ihnen mannigfaltiglich in Arzneien möge gebrauchen. Durch Andream Aurifabrum Vratslaviensem, Medicum. Königsberg in Pr., 1551.*

⁶¹ См.: *Peucer K. Propositiones de origine et causis succini Prusiaci*. Wittebergae, 1555.

⁶² *Göbel S. (der Ältere) De succino libri duo*. (1565, 1582); *Idem. Histori[e] und Eigentlicher Bericht von Herkommen, Ursprung und vielfältigen Brauch des Bö[e]rnsteins, neben andern saubern Bergharzen...* Königsberg, 1566.

⁶³ См.: *Göbel S. (der Ältere). Pia commonefactio de passione, resurrectione ac beneficiis christi, quae in historia succini depinguntur. huic vera de origine Succini addita est sententia*. Oberursel, 1558.

⁶⁴ См.: *Freytag H.* Op. cit. S. 50.

⁶⁵ См.: *Koehne's Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappenkunde*. Sechster Jahrgang. Berlin; Posen; Bromberg, 1846. S. 276.

⁶⁶ См.: *Tesdorpf W. Gewinnung, Verarbeitung und Handel des Bernsteins in Preußen von der Ordenszeit bis zur Gegenwart*. Jena, 1887. S. 15.

⁶⁷ См.: *Koehne's Zeitschrift...* S. 277.

⁶⁸ О нем также упоминает Вильгельм Тесдорпф. См.: *Tesdorpf W.* Op. cit.

⁶⁹ *Hermann D.* De Rana et Lacerta... Cracoviae, 1583. Нумерация страниц отсутствует. Перевод с латинского В. А. Сычинского.

⁷⁰ Ibid. Перевод с латинского А. В. Желонкиной.

⁷¹ Ibid. Перевод с латинского А. В. Желонкиной.

⁷² Ibid. Перевод с латинского А. В. Желонкиной.

⁷³ См.: *Moryson F.* An itinerary written by Fynes Moryson Gent. Vol. 4. Glasgow, 1908. P. 24.

⁷⁴ «Даллером», «далларом», затем «долларом» в Англии называли талер — крупную серебряную монету, которая в конце XVI века (описываемое Морисоном время) играла важную роль в денежном обращении и международной торговле в Европе.

⁷⁵ *Hermann D.* De Rana et Lacerta... // *Poemata. Rigae Livonum*, 1600. Нумерация страниц отсутствует. Перевод с латинского В. А. Сычинского.

⁷⁶ См.: *Göbel S. der Jüngere.* Einfeltiger jedoch gründtlicher Bericht und Bedencken vom Ursprung des Agadt oder Börnsteins. Königsberg, 1616. Нумерация страниц отсутствует.

⁷⁷ Этот факт приводит также Самуэль Бок. См.: *Bock F. S.* Versuch einer kurzen Naturgeschichte des Preußischen Bernsteins und einer neuen wahrscheinlichen Erklärung seines Ursprunges. Königsberg, 1767. S. 67.

⁷⁸ См.: *Wecker J. J.* Eighteen Books of the Secrets of Art and Nature, being the Summe and Substance of Natural Philosophy, methodologically digested. London, 1661. P. 233.

⁷⁹ *Щуровский Г. Е.* Янтарные острова на Балтийском море // Атеней. Журнал критики, современной истории и литературы. 1858. № 5. С. 286—303.

⁸⁰ *Porta G. B.* Natural Magick in XX Books. London, 1658. P. 128.

⁸¹ *Kentmann J.* Rerum fossilium, que in Musnia praecipue, et in aliis

quoque regionibus inveniuntur // Gesner C. De omni rerum fossilium genere, gemmis, lapidibus, metallic... Tiguri, 1565—1566. P. 1—96.

⁸² Письмо Афанасия Кирхера герцогу Августу от 3 января 1660 года. URL: <http://diglib.hab.de/edoc/ed000005/comment.htm/> (дата обращения: 15.01.2013).

⁸³ См.: *Kundmann J. Ch. Promptuarium Rerum Naturalium Et Artificialium Vratislaviense*. Vratislavia : Michael Hubert, 1726. S. 66. («Das curiöste aber ist ein Stück Börnstein, in welchem ein Frosch sich praesentiret»).

⁸⁴ Одним из первых о том, что инклюзы в янтаре, которые описал Херман, не настоящие, заявил Натанаэль Зендель, включив упоминание о них в своей книге в раздел о фальсификатах «De falsis et arte inclusis». См.: *Sendel N. Historia Succinorum corpora caliena involventium, et natura opere pictorum et caelatorum*. Lipsiae, 1742. P. 254.

⁸⁵ *Herman D. De Rana et Lacerta... Cracoviae*, 1583. Нумерация страниц отсутствует. Перевод с латинского В. А. Сычинского.

⁸⁶ См.: *Зверева В. В. Модели естественной истории // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / отв. ред. Л. П. Репина*. М., 2008.

⁸⁷ *Göbel S. (der Ältere). De succino libri duo // Gesner C. Op. cit.* P. 10. Перевод с латинского В. А. Сычинского.

⁸⁸ *Агрикола Г. О горном деле и металлургии в двенадцати книгах*. М., 1962. С. 49.

⁸⁹ Там же. С. 22.

⁹⁰ О том, что янтарь рождается из жирности земли, писали многие авторы, следовавшие Агриколе. Ср. у Северина Гёбеля-старшего: «Янтарь представляет собой не сок, не смолу, не камедь какого-либо дерева, как считали древние, но по необходимости рождается из более жирного сока земли». *Göbel S. (der Ältere). De succino libri duo*. Нумерация страниц отсутствует. Перевод с латинского В. А. Сычинского.

⁹¹ *Hermann D.* Op. cit. Перевод с латинского А. В. Желонкиной.

⁹² *Agricola G.* De Natura Fossilium. Basiliae, 1546. P. 243. Перевод с латинского В. А. Сычинского.

⁹³ *Göbel S. (der Ältere)* De succino libri duo // *Gesner C.* De omnium rerum fossilium genere, gemmis, lapidibus, metallic... Tiguri, 1565—1566. P. 12. Перевод с латинского В. А. Сычинского.

⁹⁴ *Hermann D.* De Rana et Lacerta... Cracoviae, 1583. Нумерация страниц отсутствует. Перевод с латинского А. В. Желонкиной.

⁹⁵ *Göbel S. (der Ältere)* De succino libri duo. P. 22. Перевод с латинского В. А. Сычинского.

⁹⁶ *Porta G. V.* Op. cit. P. 28, 30.

⁹⁷ «... как из убитых тельцов, из испорченной крови / Пчелы при нем родились (IV, 284—285)»; «Видит: из бычьих утроб загнивших, из каждого брюха, / Пчелы выходят, ключом закипают в поломанных ребрах, / Тучей огромной плывут и уже на вершине древесной, / Сбившись роем, как кисть лозы виноградной, свисают» (IV, 555—558).

⁹⁸ *Hermann D.* De Rana et Lacerta... Riga, 1600. Нумерация страниц отсутствует. Перевод с латинского А. В. Желонкиной.

⁹⁹ *Hermann D.* De Rana et Lacerta... Cracoviae, 1583. Нумерация страниц отсутствует. Перевод с латинского А. В. Желонкиной.

¹⁰⁰ *Ibid.*

¹⁰¹ В Италии об этом писал Пьетро Андреа Маттиоли, однако мы не имеем подтверждений того, что Херман был знаком с его сочинениями.

¹⁰² *Ibid.* Перевод с латинского А. В. Желонкиной.

¹⁰³ В настоящее время экземпляр хранится в библиотеке университета Болоньи (Inventario A 3864; Collocazione A.5.Tab. 1. C.1. 271/3; Note 1 v.; Provenienza Aldrovandi, Ulisse).

¹⁰⁴ См.: *Klobius J. F.* Ambrae Historiam ad Omnipotentis dei Gloriam, et Hominum Sanitatem. Wittenbergae, 1666.

¹⁰⁵ См.: *Böhmer G R. Systematisch-literarisches Handbuch der Naturgeschichte, Oeconomie und anderer damit verwandten Wissenschaften und Künste. Leipzig, 1788. Th. 4, Mineralreich; Bd. 1. S. 475.*

¹⁰⁶ См.: *C. W. Hufelands Journal der practischen Heilkunde. 1839. Bd. 88. S. 89.*

¹⁰⁷ *Aurifaber A. Op. cit.* Нумерация страниц отсутствует.

¹⁰⁸ *Gessner K. Op. cit.* Эпиграф размещен на титуле сочинения Гёбеля; страница не нумерована.

¹⁰⁹ В русском переводе см.: *Лукиан. О Янтаре, или О Лебедях / пер. с древнегреч. К. М. Колобовой // Сочинения. СПб., 2001. Т. 1.*

¹¹⁰ См.: *Hermann D. De Rana et Lacerta. . . Riga, 1600.*

¹¹¹ *Kentmann J. Catalogus rerum fossilium Io. Kentmani // Gesner K. Op. cit.*

¹¹² *Гаспаров М. Л. Вергилий — поэт будущего // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979. С. 5—34.*

¹¹³ Латинский текст поэмы приведен в соответствие нормам латинской орфографии по следующим словарям: *Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976* ; *Dickey E., Chahoud A. Colloquial and Literary Latin. Cambridge, 2010* ; *Dizionario Latino a cura di Enrico Olivetti. URL: <http://www.dizionario-latino.com/olivettimedia.php>* ; *Glare P. G. W. Oxford Latin Dictionary. Oxford , 2012* ; *Latham R. E., Howlett D. R., Ashdowne R. et al. Dictionary of Medieval Latin from British Sources. Oxford, 1975—2013. Vol. 1—17* ; *Niermeyer's Mediae Latinitatis Lexicon Minus — Lexique Latin Medieval — A Medieval Latin Dictionary. Brill, 1976.*

Hermannus, D. Ad Illvstrissimum ...

26.

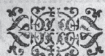
AD ILLVSTRISSIMVM DO-
MINVM, DN. IOANNEM DE ZAMOSCIO;
Regni Poloniae Cancellarium supremum, & Ex-
ercituum Generalem, &c.

DE RANA ET LACERTA SVC-
CINO BORVSSIACO INSITIS.

DANIELIS HERMANNI BORVSSI
Discursus Philosophicus.

EIVSDEM DE CERTAMINE INTER
Vrsum & Aprum, Carmen.

Riga Livonum,
Typis NICOLAI MOLLINÆ
Anno 1600.

Знаменитая гравюра на титуле рижского издания поэмы
Даниэля Хермана 1600 года
© Академическая библиотека Латвийского университета, R3506/26.

Антонио Кверенги
К ЛЯГУШКЕ И ЯЩЕРИЦЕ,
ЗАКЛЮЧЕННЫМ В ЯНТАРЬ

Даниэль Херман
О ЛЯГУШКЕ И ЯЩЕРИЦЕ,
ЗАСТРЯВШИХ В ПРУССКОМ ЯНТАРЕ

Даниэль Херман
ЭПИТАФИЯ

Перевод с латинского Л.В. Сыроватко

IN RANAM ET LACERTAM
SUCCINO INCLUSAS

Antonius Quaeringus Patavinus

Artificis fabricata manu simulachra latentis,
Ore loquax tacito Ranae spirantis imago,
Tuque sub angusto praeclusam carcere vitam
Faucibus efflantis, species miranda Lacertae,
Dicite, quis tanto laetae vos munere fortis
Demeruit? Fragili ut spolio membrisque, caducis
Exemptas rutilo Electri concluderet orbe?
Nunquid ubi in glaciem solidam se fluxilis humor
Cogeret, et gelida ponti concreveret unda
Devinxit lento interceptas glutine casus?
An potius Natura parens, ut nobile Paulo
Exprimeret donum Iasco, primordia rerum

К ЛЯГУШКЕ И ЯЩЕРИЦЕ,
ЗАКЛЮЧЕННЫМ В ЯНТАРЬ

Антонио Кверенги из Падуи

Что за незримый творец изваял нам твой образ, Лягушка,
Благоуханно-молчащим язык столь болтливый соделав?
Также и ты, в тесноте тюремной из сдавленной глотки
Жизнь изронившая, Ящерка, чудо великое видом, —
Молвите: кто удостоен, как вы, был роскошной и крепкой
Урны? И кто вам помог от тленья непрочные члены
И оболочку столь хрупкую спрятать в Электр золотистый?
Или никто не помог — но по случаю сами упали
В вязкую жидкость, когда уплотнялась и льдом становилась,
И превращались в мосты и уступы горбатые волны?
Или, всего вероятнее, вас изваяла Природа
(Паулю Яксусу в дар, как художник искусный, сработав),

Miscuit, et vivis animavit Succina formis?
Quicquid in effigiem vestros hanc transtulit artus,
Fortun atae ambae, quibus ipsa in morte perennem
Insigni vitam licuit reparare sepulchro.
Sed mage felices tanti quod sede receptas
Hospitis, aeterno vos dulcia Carmina cantu
Hermannii decorant famae immortalis honore.

Roma fac. 1583

Первоначала смешав и живые придав ему формы,
В сем Янтаре? Но кто бы то ни был и что он ни сделал,
Чтоб превратить сочлененья непрочные в камень лучистый, —
Сколь Вы блаженны, Лягушка и Ящерка! Ваша могила
Знаком бессмертия вечно пребудет, и в смерти являя
Жизнь; но стократ вы блаженнее тем, о пришельцы, что Херман,
Так сладкозвучно воспевший пристанище ваше стихами,
Самую вашу молву соделал бессмертною славой.

Рим, 1583 год

DE RANA ET LACERTA
SUCCINO PRUSSIACO
INSITIS

Danielis Hermanni Prussi Discursus Philosophicus.
Ex quo sumi potest, de causis Salisfodinarum
Cracoviensium naturalibus ratio cinandi

*Paulus Iaskus
Consul Gedanen-
sis habet duo
succinic frusta:
quorum alterum
Ranam, alterum
Lacertam intus
repraesentat.*

Insitam in Electro Ranam, tremulamque Lacertam,
(Quae Jasqus Gedani monimenta insignia servat,
Digna Monarcha aliquo, et totum memoranda per orbem)
Fert animus celebrare. Veni nunc dexter Apollo,
Dum mihi Natura canitur mirabilis ordo. 5
Nam quis fortuitus parva reptilia casus
Intrare haec quondam pellucida Succina iussit?
Has intrare domos? Facile olim intrastis in illas,

О ЛЯГУШКЕ И ЯЩЕРИЦЕ,
ЗАСТРЯВШИХ
В ПРУССКОМ ЯНТАРЕ

Философское рассуждение Даниэля Хермана
Прусского, благодаря которому может представиться
случай понять естественные причины [происхождения]
Краковских соляных копей

В
вязком сидит Янтаре лягушка, и будто трепещет
Ящерка (памятник их увенчал бы и славу монарха;
Свету известны они; сберегает их Яскус Геданий¹) —
Их я восславить хочу. Снизойди, Аполлон благодатный,
Вместе со мною пребудь, чудеса Природы поющим!
Что же за рок внезапный крошечных сих рептилий
Некогда в этот Янтарь лучистый проникнуть понудил,
В эти войти дома? Было легче, однако, войти в них,

*Пауль Яски, со-
ветник из Дан-
цига, владеет
двумя кусками
5 янтара: внутри
одного видна Ля-
гушка, внутри
другого — Яще-
рица.*

	Sed revocare gradum superasque evadere in auras,	
<i>Succinum species Naphtaenon admittit putrefactionem.</i>	Vos vetuit Natura isti mira insita Naphthae, In qua vestra manent aeternum corpora clausa, Quae nec putredo absumit, nec longa vetustas: Tantum robur inest huic Naphthae, tantaque virtus.	10
<i>Descriptio Ranae Succino Insitae.</i>	Aspicias ut stet adhuc illaeso corpore Rana? Rana gerens viridem ceu nuper nata colorem. Ut pedibus distenta est? Ut toruumque tuetur Lumine distorto? Et saltum velut usque minatur, Et quasi contendit patulas exire sub auras, Abnegat Electri massa indurata regressum.	15
<i>Descriptio Lacertae Succino insitae.</i>	Frusto alio exiguos tremebunda Lacerta lacertos Nequicquam extendit, sinuatque volumina caudae Tortilis: et scuama apparent per terga minutae: Et parvi unguiculi: deformes pandit hiatus Os, in agone olim luctaque in mortis apertum Quando animam euomuit crebris singultibus actam: Sanguinis hinc sparsi vestigia viva supersunt. Heu misera ut voluit caveam evitare futuram? Suavis odor pinguis terrae penetrare cavernas Impulit: hic illam liquido implicuitque Electro. Vix ambas melius Cous depingat Apelles: Viva repraesentant sic vivi membra colores.	20 25 30

Чем вернуться обратно. Вам больше не выйти на воздух —
 Стала преградой Природа сама и дивное свойство
 Нефти². Отныне тела ваши замкнуты вечно пребудут, 10 *Свойства Неф-*
 Тленью уже недоступны, ни старости, длящейся долго:
 Вот какова у Нефти мощь, вот какая в ней сила.
 Видишь — сидит с доныне нетронутым телом лягушка? *Описание лягуш-*
 Всё еще столь зелена, будто новорождённая, цветом. 15 *ки, застрявшей в*
 Видишь, как лапки растянуты? Как напряженно тарачит *янтаре.*
 Глаз искаженный? И словно прыжок изготовилась сделать,
 Вот уж почти устремляется выйти на воздух открытый, —
 Но Янтаря застывшая масса претит возвращенью.
 В коме другом Янтаря напрягает бессильные мышцы 20 *Описание яще-*
 Ящерка; змеобразно ее извивается хвостик; *рицы, застряв-*
 Ясно видны от натуги чешуйки на крошечной спинке *шей в янтаре.*
 И коготочки мельчайшие; ротик как будто зевота
 Ей искажает, некогда в битве со смертью отверстый, —
 Путь для души, отлетающей в частых, как всхлипы, движеньях; 25
 Вот уж вся жизнь отошла — и осталось подобие жизни.
 Горе несчастным — вовек не покинуть им гибельной клетки!
 Тучной земли аромат, проникая в поры, сих тварей
 Двигаться нудит; меж тем в Электре текучем увязли.
 Лучше едва ли бы ту и другую Косский Аппеллес³ 30
 Изобразил; совсем как живые тела их и краски.

* Букв. гниения, разложения. — *Примеч. переводчика.*

<i>Epiphonema pro tumulo Ranae et Lacertae.</i>	<p>Foelices ambae: atque aeterno nomine clarae: Quas talis succus tumba tumulavit odora. Nobilius nullum poterant reperire sepulchrum.</p>	
<i>Variae de origine Succini Poetarum opiniones: sed vanae.</i>	<p>Hunc ego non dicam manare ex arbore succum, Aut maris e spuma, Heliadum lachrymisue gelatis, Eque aliis causis multorum somnia vatium, Quas passim memorant: maiori indagine digna Res ea, me cogit genitalis viscera terrae Rimari, abstrusas propiusque, inquirere causas.</p>	35
<i>Terra omnium re- rum parens.</i>	<p>Terra parens rerum, quas machina continet orbis, Intus habet varios, mira ratione, meatus, In quibus arcano effingit natura labore</p>	40
<i>Omnis generis metalla ex terra.</i>	<p>Diversas specie res, et diversa creata. Hinc tot opes, hinc effodiuntur totque metalla: Hinc venit argentum, stannum, plumbumque chalybsque: Quaque referre mora est: nunc ferrum prodit, et aurum.</p>	45
<i>Petroleum [ori- go]7. Prima opi- nion.</i>	<p>Sic oleum exesa distillat nobile petra: Sic quoque Prussiaticis, quae multa leguntur in oris Succina, credibile est fluidum illa fuisse bitumen.</p>	50
<i>[De Succino Pru- ssiaco].</i>	<p>Tunc ubi materies, stillans ab origine prima, Igne tepebat adhuc et succo fluxit odoro;</p>	
<i>Succinum Pru- ssiaticum ubi; et quando hauria- tur.</i>	<p>Quem simul ac mare suscepit, gelida ocyus unda In lapidem et concretam vertit frigore massam.</p>	

Сколь же блаженны обе; сколь славны славою вечной
 Благодаря могиле из жидкости благоуханной!
 Мог ли хоть кто-то из знатных такой сподобиться урны?
 Я не скажу, как другие: струятся ль из дерева соки,
 Пена морская ли то⁴, Гелиад ли застывшие слезы⁵;
 Сотни подобных причин содержат ученые бредни,
 Всюду талдычат их умники. Будет достойнейшим делом,
 Не подражая химерам, глубины земли нам изведать:
 В недрах ее плодоносных не будет ли скрыт сей источник? 40
 Та, что все вещи родит, коей движется мироустройство,
 Много скрывает внутри непостижных уму превращений;
 Там совершаются тайно труды безустанной Природы,
 Чтобы явились на свет разнородные видом созданья.
 Сколько оттуда богатств происходит! Хотя бы металлы: 45
 Олово, сталь и свинец, серебро и, о чем всего чаще
 Упоминается всеми, — железо и золото. Где-то
 Капля по капле сочится из скал благородное масло⁶.
 Благословение прусских пределов, Янтарь, вероятно,
 Некогда так же струился — и звался он именем «битум»⁸. 50
 Было сие вещество изначально текучим, поскольку
 Разогревалось огнем, и, лиясь благовонным нектаром,
 В море стремилось; а в море прохладной волною тотчас же
 В камень опять превращалось — скрепленную холодом массу.

*Надробный плач
 по Лягушке и
 Ящерице.*

35 *Различные суж-
 дения поэтов о
 происхождении
 янтаря; тща-
 та их.*

*Земля — Мать
 всего сущего*.*

45 *Все из земли про-
 исходят ме-
 таллы.*

*Происхождение
 нефти. Первое
 мнение.*

50 *О прусском ян-
 таря.*

*Где находят и как
 собирают прус-
 ский Янтарь.*

* Букв. Земля все сущее (каждую вещь) рождает. — *Примеч. переводчика.*

	Quae tandem gravitate sua descendidat imum	55
	Aequoris: hinc illam exorti cum turbine venti	
	Eructat natura maris. Tunc rustica turba,	
	Hamo instructa levi, nudataque corpore, saltu	
	Littoribus vicina vada intrat, subter et undas	
	Hanc haurit massam, rursusque ad littora prodit.	60
<i>Montes Sudavi</i>	Nec tantum ratio, verum experientia et ipsa	
<i>in Prussia, saepe</i>	Crebra docere potest, obscura nocte per umbras	
<i>exhalant vapores</i>	Sulphuream velut illis flammam exisse cavernis,	
<i>sulfureos.</i>	Montosum ad littus, miseris Sudavisque propinquum.	
	Sive ergo illa fuit projectum e viscere terrae	65
	Exesae, aut rupis vena interiore bitumen;	
	Seu vapor internum designansque halitus aestum,	
	Communis sensus tamen hoc concedere cogit	
	Non nisi praepinguis generari in viscere terrae,	
	Multus ubi vapor, et multus calor aestuat intus,	70
	Materiam hancque coquit, coctamque extrudere certat.	
<i>Proprietas succi-</i>	Proprietas manet hinc illi: facile arripit ignem,	
<i>ni naturalis.</i>	Et naturali attractu stipulam eminus haurit,	
	Haec ubi materies manibus tractata calescit.	
<i>Succinum interdum</i>	Ad quod arenosa in tellure Electra reperta	75
<i>in arenosis</i>	Nonnulli reserunt: in agris Germanidos orae	
<i>locis inventum</i>	Fossa quoque interdum: haec preciosi muneris instar	
<i>sed non ibi genitum.</i>	Forte quis infodit belli fragrante tumultu.	
	Illa autem tumidis procul arbitror acta procellis	

Тяжестью вглубь увлекаясь, на самое дно оседает	55	
Слиток; оттуда, когда поднимаются сильные ветры,		
Вновь на поверхность его извергает стихия морская.		
Тут же крестьяне толпою с нехитрой сбегаются снастью;		
Телом нагие, в прибрежные воды прыжками ныряют,		
Черпают снизу и в волнах и вновь вылезают на берег.	60	
Разум не только один, но и самый жизненный опыт		<i>Скалы Судовии в</i>
Часто являл, как из царства теней на небо ночное		<i>Пруссии, <что></i>
Словно бы серное пламя исходит от пропастей мрачных		<i>часто изрыга-</i>
Там, где гористый берег смиренной Судовии виден ⁹ .		<i>ют серные испа-</i>
Должно решить: из земных ли то недр разъятых исходит,	65	<i>рения.</i>
Или причина — в расщелинах скал содержащийся битум;		
Или же это пары — внутриземного знака кипенья;		
Здравый однако смысл понуждает немедля признаться:		
Только лишь жирное что в земной возникает утробе,		
Где велика теплота и великое пламя бушует, —	70	
Тут же оно закипает, вскипев же — стремится на волю.		
Свойства сего вещества суть такие: огню поддается;		<i>Присущие янта-</i>
На расстоянии по естеству привлекает былинки;		<i>рю свойства.</i>
Будучи сжатым в ладонях, от тела тепло принимает.		
Но почему попадает Электр и в песчаную почву?	75	<i>Янтарь иногда в</i>
Не сообщают о том; на границах владений германских		<i>песчаных местах</i>
Он обретаем бывает в богатом порой погребенье		<i>находят, где он</i>
Или же в кладе, сокрытом владельцем от бедствий военных.		<i><не мог возник-</i>
Я ж полагаю, что бурей извергнут от брега далече		<i>нуть естествен-</i>
		<i>ным путем>.</i>

<i>Montes Gedanenses inter Habum, Mare, et (V)istulam, olim non fuerunt.</i>	Ad loca, quae quondam mare erant, nunc campus apertus. 80 Verum esto: invenias terra Germanide Naphtham, (Sed non invenies) quaeras siccisque in arenis; Non tamen hanc gustu, forma, virtute, colore, Aequiparare queas isti, quam continet aequor, Aequor in Arctois quod Prussos alluit oris.	85
<i>Alter opinio. De Succino Prussiacum oritur ex subterraneis scaturiginibus pinguiibus, vel rupibus.</i>	Nunc si displiceat terra aut e monte cavato, Littoribus vicino, tale exire bitumen, Inde mari injectum solida indurescere massa, Ad fundum maris arcanas bullire scatebras Pone, vel aequoreis sub rupibus affere easdem, Arcano pinguem intus Naphtham agitare calore: Ipsis quae tandem ebullit protrusa scatebris,	90
<i>Conclusio [De origine Succini Prussiaci]. Succinum Prussiacum siquidem in fundo maris hauritur, aut oritur ex littoralibus et destillat in mare aut oritur ex subterraneis sive rupibus sive scatebris.</i>	Et protrusa statim gelidis durescit ab undis. Ergo maris fundo hanc siquidem scrutamur in imo Alterutrum ex illis certum et verum esse duobus Non sum animi dubius. Sed qua ratione modoque, Bestiolae haec intrent pellucida Succina multae, Dicere difficile est. Si summis innatat undis Naphtha recens, ed adhuc fluidus liquor, appetere illum, Credibile est et apem, parvumque volatile muscam. Littus in extremum sin Naphtham vena rejectet,	95 100

Был; расстилось там некогда море, а ныне — равнина. 80 *Скал Данцигских
между заливом,
морем и Вислой
когда-то не было.*
 Истинно молвить: пусть в землях германцев ты нефть и добудешь
 (Но не добудешь), пусть даже и в почве песчаной отыщешь —
 Всё же ни видом, ни свойствами, ни красотою, ни цветом
 С той не сравнится она, что содержится в моря глубинах;
 Воды же моря на севере Пруссии брег омывают. 85
 Что ж неугодного в том, что из недр и из скал рассеченных
 Близ побережья так битум течет, а затем застывает,
 Вверженный в море, и плотную массой единой твердеет;
 Что в глубине кипящие воды его увлекают
 Вслед за собой, иль исходит из скал он у самого берега; 90
 Что потаенно внутри всколыхнута, жирная, жаром
 Нефть, наконец, вскипает, и прочь теснится теченьем,
 И, вытеснясь, в волнах тотчас костенеет от хлада?
 Стало быть, если бы в моря глубины могли мы проникнуть,
 То подтвержденье нашлось бы тому, что одним из реченных 95
 Способов двух образован Янтарь, и в том не колеблюсь.
 Только каким же путем и манерой мельчайшие твари
 В камень прозрачный проникли? Не знаю; должно быть, по волнам
 Плавает купно вчерашняя нефть, и всё еще жидкость
 Поверх; и к ней-то стремятся пчела и крылатая мушка. 100
 Если же на побережье находится нефти источник,

Иное мнение. [О том, что] Прусский Янтарь мог появиться из подземных или же скальных маслянистых источников.*

Заключение. [О происхождении прусского янтаря] Поскольку Прусский Янтарь из глубин морских черпается с восходом из прибрежных вод, то и стекает в море на восходе из подземных то ли скал, то ли ключей.

* Букв. ключей, чего-то кипящего, бурлящего, бьющего ключом. — *Примеч. переводчика.*

<i>Causae externae quomodo animal- cula succino ob- lint possint.</i>	<p>Margine in extremo glomeratur parvula quaeque Bestiola, et tali succo oblectatur odoro.</p> <p>Ast simul advenit cumulo praeuptus aquae mons, Obruit has omnes, et littore lambit ab alto.</p> <p>Sic in viscosum illapsum reptile bitumen Haeret, et inflexa raptu (velut arbitror) undae Materia, simili super affusove liquore, Voluitur in praeceps, cavea tumulatur et ista.</p>	105
<i>Probatio per exem- pla.</i>	<p>Res patet exemplo. Nam quaedam ingentia Naphthae Frusta videre licet, quibus unda includitur intus, Huc illuc refluens: crescitque, ubi Delia, crescit, Intus aqua: haud unquam penitusque absumitur intus.</p> <p>Ergo aliquis casus succo isti forte fluenti Hanc infudit aquam, massae involvitque cavatae.</p> <p>At quod non unda exiccetur, res ea mira.</p>	110 115
<i>[Succinum no ad- mittit putrefacti- onem]¹⁴.</i>	<p>Sive quod Electrum putredine prorsus ab omni Immune, inclusa in sese incorrupta reservet: Sive sit haud vulgaris aqua, at quae forsitan huius Participet causam Naphthae, arcanique fluoris:</p> <p>Quicquid id est, certe non est sine numine Divum. Hactenus externae, per quas animalcula parva</p>	120
<i>Causae internae, quomodo animal- cula Succino in- sint¹⁵.</i>	<p>Haec intrare queant pellucida Succina, causae. Sin magis arridet sententia forsan, in imis Visceribus terrae perfecte haec omnia nasci, Naturam arcana statuas virtute creare</p>	125

То по краям его всякая малая тварь окружает,
 Благоуханного сока взыскупя, чтоб им насладиться¹⁰.
 Коли случится в то время крутая гора водяная,
 Всех потопляет она и порой самый брег подмывает. 105
 Так и выходит, что клейкий с увязшей рептилией битум
 Вал увлекает с собою, когда устремится обратно
 В бездну морскую; а там погребеньем становится клетка.
 Вот подтвержденье тому: в кусках значительных нефти
 Можно увидеть волну, что, как в море волна, набегаёт 110
 И обращается вспять¹², и, когда возрастает на небе
 Делия¹³, тоже растёт, и в своем заточенье не сякнет.
 Стало быть, случай какой-то внутрь сока помог ей проникнуть —
 Видно, когда тот растекся — и в полом куске запечатал.
 То, что вода не скудеет, поистине дивное дело! 115
 В том ли причина, что тленью всецело Электр непричастен
 И, заключая в себе, от ущерба ее защищает,
 Или же в том, что вода и сама по себе необычна,
 Как-то составом, причиной, источником связана с нефтью, —
 Что бы то ни было, всё не без воли богов происходит. 120
 То, что писал до сих пор я, касалось лишь внешней причины
 Проникновенья в Янтаре этих малых размером созданий.
 Если же правду сказать, больше всех мне по вкусу сужденье,
 Что порожденья они многочадного чрева земного,
 Что с мастерством несравненным внутри вещей разнородных 125
 Заключены изваянья живые самую Природой.

При каких внешних обстоятельствах маленькие твари завязли в янтаре¹¹.

110 *Доказательство на примере.*

[Янтаре предотвращает гниение].

Внутренние причины, по коим маленькие твари в Янтаре застревают.

<i>Generatio animalculorum.</i>	Res intus varias. Sic putri e ventre Cicadae ¹⁶ , Papilio vernam pinnis emergit in auram,	
<i>Origo Papilionis, Apum, Serpentis, Crabronis</i> ¹⁷ .	Cumque aestate perit. Putrefacto viscere tauri Florilegae nascuntur apes: Spinae eque medulla.	130
<i>Unius corruptio est alterius generatio.</i>	Exoritur serpens, homo quando putrescit humatus, Crabroque fertur equi putrefacto e viscere nasci. Sed quid in his moror exemplis? Hoc occidit, illud Exoritur rursus; unius corruptio est entis Alterius nova sit versa generatio forma.	135
<i>Tertia coniectura de animalculis in Succino...</i> ¹⁸	Non igitur dubium, gremio telluris in imo Esse vias aliquas, sparsasque hinc inde cavernas, In quibus effingit putredo animalcula parva, Quae loca si tangant tepidis vicina scatebris, In queis Naphtha recens generatur et e quibus exit, Illam adeunt facile, et facile involvuntur in illa: Solamenque mali, tumulo conduntur odoro.	140
<i>Tertia coniectura de animalculis in Succino...</i> ¹⁸	Tertia restat adhuc, gravis haec et opinio restat, Quaque suis firmis innititur argumentis: Fingere naturam tantum has per Succina formas, Coelitus impressos et inanes esse colores,	145
<i>Experimentorum exempla.</i>	Quos plenum formis coelum natura que fingunt ¹⁹ . Quotquot enim in partes massam secuere minutas, Rem perscrutati, vestigia nulla, nec ulla Reliquias potuere ullius cernere membri, Sed solidum videre intusque extraque bitumen.	150

<p> Так из капустного червя, из брюшка истлевшей цикады Бабочка в вешнее небо взмывает на радостных крыльях, Чтоб опочить в сентябре. Так гниющее чрево бычачье Пчел медоносных родит (как и жидкость в столбе позвоночном). </p>	<p> 130 </p>	<p> <i>Зарождение мелких тварей. Происхождение Мотыльков, Пчел, Змей, Шершней.</i> </p>
<p> Так выползает змея из могилы, где труп разложился, Мертвый же конь, засмердев, вместе с газами шершня извергнет. Но для чего я увяз в бесконечных примерах? Ведь ясно: Гибнет одно, чтоб могло без помехи возникнуть другое; Чтоб облеклось неизменное сущее в новые формы, </p>	<p> 135 </p>	<p> <i>Распад одного есть другого возникновение.</i> </p>
<p> Должно убить единичное. Не сомневаюсь, что в недрах Щели туда и сюда протянулись, зияют пустоты; В них-то распад производит несчётные толпы созданий, Коих граничит жильё с остывающей нефти потоком В месте, откуда она на поверхность из глуби выходит. </p>	<p> 140 </p>	
<p> Малые твари, достигнув ее без усилья, в ней тонут; Им утешенье в беде — что в могиле лежат благовонной. Третье еще остается серьезное предположенье, Также опоры себе находя в доказательствах твердых: </p>	<p> 145 </p>	<p> <i>Третье предположение о мелких тварях в Янтаре, ...</i> </p>
<p> Многие формы Природой изваяны в массе янтарной, Небом пустоты оттиснуты, чтобы заполниться цветом; Так совокупно Природа и Небо те формы творили. Всё же, когда разделяли Янтарь на мельчайшие части, Сущность его испытывая, следа различить никакого </p>	<p> 150 </p>	<p> <i>Доказательства, подтверждаемые опытом.</i> </p>
<p> Не преуспели, останков найти никоторого члена, Но лишь единственно вне и внутри обнаружили битум. </p>		

[In fodinis metallicis Misnensibus reperiuntur Lapides qui dissecit repraesentat genuinam piscium figuram].

Sic lapides nigri, fossi in Germanide terra,
 Per medium dissecti, intus (mirabile visu)²¹
 Saepe repraesentant, nativi squamea piscis
 Terga: sed haec credunt impressas esse figuras. 155
 Me tamen hic dubiae torquet sententia mentis,
 Dum cruor ille intus, pressae sub ventre Lacertae,
 Est visus fluere, et sese hinc atque inde movere:
 Apparetque intus spatium restare fluoris.
 Sic et aqua in medio Electro quae fluctuat intus, 160
 Efficit, ut dubius sensa in contraria ducar.

Quaestio de transformatione unius substantiae in aliam, forma manente.

Quid si ea sit Naphthae (neque enim vis illius omnis
 Nota sat est) virtus? Ut dum calet, atqueprehendit
 Bestiolas tales, ceu Sol tenuissima quaeque
 Atque atomos transit, sic se transfundat in illas, 165
 Arcana virtute sua, arcanoque calore,
 Transmutetque, potest quicquid putredine obire,
 Ac tantum restet de corpore inanis imago:
 Caetera at in solidum conversa abeant Electrum.
 Non ausim hoc equidem affirmare, inquirere at ausim²² 170
 [In nova mutatas quando aiunt corpora formas,
 Quaerere fas mihi sit, quid enim quaesisse nocebit?
 Sed quia consesit scriptorum nemo priorum,
 Tantaque naturae arcana indiscussa videmus,
 Et certant Physici et palmam tulit antea nemo, 175
 In medio haec aliis quoque discutienda relinquam.

Так черный камень, откопанный в землях Германцев²⁰,
Посередине рассечен, являет (о зрелище дивно!)
В нем зарожденной естественно рыбы чешуйчату спину:
Образ ее, полагают, был создан давлением, как оттиск. 155
Вывод, однако, такой у меня вызывает сомненья:
Видно, как в брюшке у ящерики кровь стесненная ходит,
Двигась туда и сюда; не имея пространства теченью,
Как бы могла она течь? Стало быть, ее русло всё то же.
Так и вода, что внутри Янтаря посредине струится, 160
Прочь мои гонит сомненья, к иному подводит итогу:
Что если это нефти (доселе еще неизвестны
Многие свойства ее) присущее качество? Теплой
Будучи, светло-прозрачному Солнцу подобно сверкая
Каждой частичкой, ползет, малых тварей собой покрывает; 165
Силой и жаром своим под собой изменяет их тайно;
В каждый проникнув атом, собою его попяляя;
Гибнут они, разлагаясь, оставив лишь образ бесплотный:
Прочее всё, в монолитный Электр обратившись, исчезло.
[Ни утверждать не возьмусь, ни, тем паче, того опровергнуть 170
Мнения, будто тела превращаются в новые формы.
Можно ведь, мыслю, исследовать это — вреда в том насколько?
Те же, кто прежде об этом писал, не пришли к соглашенью,
Столько Природою скрытого явным доселе не стало,
Первенства пальму никто не стяжал среди Физиков многих, 175
То, что они изучали, открыто еще к обсуждению.

*В Мейсенских
рудниках оты-
скиваются кам-
ни, которые, бу-
дучи рассекаемы,
представляют
настоящих рыб
изображения.*

*Исследование,
<каким обра-
зом> одна суб-
станция в дру-
гую преобража-
ется, формы не
изменяя.*

	At qualis virtus, quaeque vis sit insita Naphthae, Dicere res gravis est: atque ocia plura requirit ²³ : [In nova mutatas sic dicunt corpora formas.	
<i>Quaesitio de Diluvio et submersione totius Mundi.</i>	Sic quoque quando olim, coelesti numine laeso, Totus erat mundus vastis submersus in undis, In tanto pelago, tantoque in turbine aquarum, Cum foret haud aliud visum nisi pontus et aether Credibile est montes, cum montibus oppida et arces Sede fuisse sua motas sursum atque deorsum.	180
	Atque ita congeries rerum revoluta remansit, Ad quem pulsa locum fuit: et sic credere fas est, Disjectos inter montes, et faxa, et arenas,	
<i>Circa Leopolim in Russia multa reperiuntur in terra, quasi arte facta.</i>	Collisum piscem lapidi impressisse figuram, Inque aliud corpus forma transisse manente. Sic sita Russiacis peramoena Leopolis oris, Non procul a sese, effossa tellure repertas Vidit saepe ollas, patinas, curuosque lebetes, Arte velut figuli factos. Argilla sed olim Quae fuit, in lapidis naturam versa putatur Aut ergo haec rerum genetrix natura creavit Aut Chaos aequoreum terra contexit operta, Quae quondam fuerant hominum collecta supellex.	190
	Insita sunt sed enim gremio telluris in imo Omnia, quae mundi diversus postulat usus Diverso at coeli tractu diversa creantur:	195
<i>Diversus regionum tractus diversa generat.</i>		200

Нефти присущие свойства и сила ее неизвестны;
 Трудно об этом предмете судить без учености многой].
 Так, говорят, тела превращаются в новые формы.
 Некогда в прежнее время, по воле Небес оскорбленных, 180 *Вопрос о потоке
и гибели всего
мира.*
 Был целиком этот мир погружен в ненасытные волны.
 В этом потоке неистовом, вод беспрестанном вращенье
 Море, ни суша друг с другом ничем не разнились, и небом
 Стали подножия гор, укрепления и цитадели,
 Словно бы верх перепутав и низ, с основаньем — вершину. 185
 Так эта груда вещей, совлеченных с их мест, пребывала
 Там, где настиг их удар; и, хоть в это и трудно поверить,
 Между горами, камнями, песками попавшие рыбы
 Весом их сплющены были и в камне оставили оттиск,
 Перенеся неизменным свой облик на новое тело. 190 *Близ Леополиса
в России многое
отыскивается в
земле, словно бы
рукотворное.*
 Есть в русских землях приятнейший град Леополис²⁴;
 Недалеко от него, если землю разроет кто, часто
 Видит там или горшок, или миску, а то и с отделкой
 Кубок, как будто бы мастером сделан; единственно глиной
 Созданы вещи, когда она в камень себя претворила — 195
 То ли то воля была непрестанно родящей Природы,
 То ли так Хаос смешал, когда море обрушил на землю, —
 Но получились людской подобные утвари формы.
 Помещено в глубины земные и там пребывает
 Всё, сослужить что в хозяйстве могло бы различную службу, 200 *Разные стороны
света разное про-
изводят.*
 Разное также и в воздухе разным творится: в разрытой

Sic quoque dum vallo Zamoscia cingitur alto,
 Res mira, effossa triplicem tellure videri
Constitutio terrae Materiem calcis, saxi, argillaeque tenacis,
Zamosciana. Quae tria subsequitur tandem fundo unda sub imo. 205
 Quatuor his a se secretis arte magistra,
 Aeternum et magni monumentum insigne laboris
 Surget, eritque suis murus circumfluus undis.
 Hoc opus in patriis Zamoscius erigit oris,
 Nulla dies unquam memori quod supprimet aevo 210
Scatebro quaedam Quin etiam nostro fama memorabilis aevo,
Ungaricae Pannoniae in terris undas extare scatentes,
transmutant Fer- In quibus intinctum ferrum, stannumue, repente
rum in Cuprum. Vertitur in cupri naturam: sit quoque cuprum:
 Atque hic materiae simul et conversio formae est. 215
Ranae et Lacer- Et quid adhuc obstat, cur non ego Succina credam
tae transmutatio Vi quadam arcane rem transmutare prehensam
in verum Succinum In sese? Inque sui naturam glutinis, ipsa
forma man- Forma haud mutata? Sic Rana accessit ut olim
nenti. Succosae scatebrae vetitum temeraria ad antrum, 220
 Forte superfuso correpta bitumine inhaesit,
 Versaque in Electrum est: ac tantum forma remansit,
 Et nihil e Rana nisi posthuma restat imago.
 Illa tamen tumulo hoc simulat se vivere odoro,
 Distorquetque oculos, atque ora loquacia, guttur 225
 Sufflat hians, ventrem gradiendo portat obesum,

В пору, как вал у Замостья²⁵ высокий возводится, почве
 Видеть — о дивное дело! — тройную материю можно:
 Камень, и глина, и мел; и сопутствует в месте глубоком
 Также трем этим четвертое — воды широкой волною. 205
 Там, где четыре субстанции станут с подмогой искусства
 Отделены друг от друга, великий возносится, вечный
 Памятник тяжким трудам — окруженные волнами стены.
 Сооружение это Замоийский возвел для отчизны,
 В вечности день не наступит, чтоб память о том умолчала. 210
 Нашего века молва столь же памяти долгой достойна:
 В землях Паннонии²⁶ будто ключи бурлят и клокочут;
 В них погружаясь, мгновенно железо и олово медью
 Видятся силой Природы; и верно, то медь — ни единым
 Видом, но также и свойствами; формой, но также и сутью. 215
 Что ж, обозрев это всё, до сих пор не решаюсь поверить
 В то, что Янтарь, завладев, тайной силой в себе изменяет
 Некую вещь? Претворяет в себе присущую клейкость,
 Не изменяя форм? Так лягушка некогда входит,
 Неосторожная, в полость запретную с сочным бурленьем, 220
 Тут же, разлившимся битумом схваченная, прилипает,
 Вся переходит в Электр: сохраняется внешняя форма,
 Но ничего от лягушки самой под маской посмертной.
 Кажется всё же живую в своей ароматной могиле:
 Выворочены глаза; беспрестанно квакает; горло 225
 Раздувает, с трудом волоча свое жирное брюхо —

*Устройство зе-
мель Замоийских.*

*Некое кипение
<в Венгерских
землях> преоб-
ражает Железо
в Медь.*

*Лягушка и Яще-
рица преобрази-
лись в подлинный
янтарь, сохранив
форму.*

	Et conatur adhuc (sed frustra) exire sub auras. Naphtha vetat; vetat ipsa rei conversio facta,	
<i>De Rana et Lacerta una et eadem opinio.</i>	Atque haec Electri de Rana; deque Lacerta: Nam quae sunt Ranae, sunt haec quoque scripta Lacertae: Ambarum est eadem ratio: ambas res habet una. Una materia, et Naphtha tumulantur eadem.	230
<i>Disputatio de Rana et Lacerta Academicorum more instituta.</i>	Sed quia consensit scriptorum nemo priorum, Tantaque naturae arcana indiscussa videmus, Et certant Physici, et palmam tulit antea nemo: In medio haec aliis quoque discutienda relinquam, Non secus ac nil decidens Academicus autor, Invenit et dubitat, cuncta et suspensa relinquit.	235
<i>Apostrophe ad Ranam et Lacertam.</i>	Bestiolae viles, generatio putrida, et inter Omnia, quae reptant, vilissima, quas mihi grates Reddetis rursus? Dum vos vestrumque sepulchrum Carmine vivaci ventura ad secula mitto? Non ego dona peto: nec enim dare dona potestis: Res faciles, justasque aliquas rogo. Tangite nunquam	240
<i>Petitio a Ranis.</i>	Meque measque domos, hortum mihi linquite totum, Immunem a vobis: puscinis, fontibus, undis, Vos excludo meis: procul hinc disceditae Ranae.	245
<i>Ranarum natura.</i>	Limitibus vestris contentae estote, paludes Intrate, inque lacus limosos, inque palustres Ite catervatim cannas: stridentibus aptae Sunt ranis cannae. Quod si quis forsitan exstet,	250

И по-прежнему силится (тщетно!) выйти на воздух.
 Нефть воспрещает; претит и само изменение вещи.
 Что про лягушку сказали, теперь и про ящерку скажем;
 Как описали одну, точно так и другую опишем: 230 *О Лягушке и Ящерице общее суждение.*
 Можно о сходстве судить, коль в сходной заперты вещи.
 Погребены в единой материи — в нефти всё той же.
 Нет среди раньше писавших об этом единого мненья,
 Многие тайны Природы, как видим, еще не раскрыты,
 Физики спорят, и первенства пальму никто не стяжает: 235 *Исследование Лягушки и Ящерицы учеными мужами, глупо ученное.*
 Как и другие, кто дело сие нерешенным оставил,
 Вспять отступить принужден был и ваш Академикус автор;
 Изобретал, колебал — и оставил, взмутив и подвесив.
 Низкие вы существа, средь рожденных в грязи пресмыкаться
 Самые жалкие, чем осклизлый род ваш воздать мне 240 *Апострофа²⁷ к лягушкам и ящерицам.*
 Сможет за песнь долговечную, коей я столь возвеличил
 Вас и вашу могилу, грядущим предав поколениям?
 Дара не требую я; да и дать ничего не могли бы;
 Легкой лишь вещи прошу — справедливости ради обычной —
 Дома мои обходить, огород одному мне оставить, 245 *Просьба к лягушкам.*
 Освободив от себя; имплювий, источник ли, струйка
 Каждая — всё здесь мое; вы ж, лягушки, прочь уходите.
 Ваши пределы — болота, и пруд, подернутый тиной, *Природа лягушек.*
 По берегам их тростник растущий; тростник всего больше
 Вам, лягушки, подходит; туда-то толпой и идите; 250
 Квакать там — самое место. Если ж, быть может, страшит вас

	Qui sinuans sese, tremulae de more Lacertae, Serpit in obliquum, atque a tergo sibila stringit Ora, bonos contra, nil quicquam tale merentes:	
	Aut struit insidias, occultatque ore venenum, Aut Marte insignes, et claros arte, remordet: Certatim hunc contra glomeratae insurgite Ranae, Atque hostem talem vestra prosternite pugna. Sunt vobis animi, sunt labra minantia labris, Morsibus os, unguis canibus carpentibus apti	255
<i>Aristophanis Ranae.</i>	Testis Aristophanes, scriptor comoedus; et ipse Maeonidis testis; cecinit qui praelia vestra.	260
<i>Homeri pugna Ranarum.</i>	Injicite arma humeris: galea caput, at latus ense Cingite: deinde ocreis cochleatis addite calcar, Unaque in alteris tergo portata, equitate. Tum laeva clypeum, et longam hastam intendite dextra: Pandite stridula labra, resolvite garrula et ora, Inque pares vobis paribus consurgite linguis: Et stridetis enim Ranae, et garrire potestis. At pietate graves, expertos Martis et artis, Aoniique chori studiosos linquite coetus. Sic unam e vobis Electro contumulatam Qui cecini Ranam, et celebravi tale sepulchrum, Quale solet toto reperiri rarius orbe.	265
<i>Succini virtutes.</i>	Virtutem Electri paucis quoque versibus addam. Maxima in Electro virtus est, insita, visque] ³¹ .	275

Тот, кто, подобно трепещущей ящерке, весь извиваясь,
 Сбоку и сзади подкрасться тихонько способен, раззавив
 Гнусно шипящую пасть, и долго в засаде таиться,
 Яд сокрывая в пасти, и подлым броском уничтожить 255
 Славных в искусстве Марса, — собравшись все вместе, лягушки,
 Вы на него ополчитесь, ряды сомкнув воедино,
 И такового врага повергните ниц в страшной битве.
 Есть ведь в вас пыл боевой; против губ направлены губы,
 Пасти язвят, когти остры дерущимся впору собакам. 260
 Аристофан свидетель тому, сочинитель комедий²⁸; *Аристофановы*
 Сам Мэониец²⁹ свидетель, сражения ваши воспевший. *лягушки.*
 Плечи оденьте доспехом; на голову шлем возложите;
 Препоясавшись мечом, изострите шпорами ноги *Гомерова война*
 (Поножью панцирь улитки пусть будет) и в стремя *лягушек.*
 Смело вступайте, скача друг на друге. Щит в шуйце 265
 Крепко держите, в деснице сожмите копьё боевое;
 Дух боевой подобающей речью друг в друге будите:
 Вы — многошумные звери, лягушки, и можете квакать.
 Будьте тверды в благочестии, Марсову знайте науку, 270
 Сонм аонийский³⁰ один лишь ученым оставьте собраньям.
 Вот уж одну из вас, в Янтаре погребенную пышно,
 Я лягушку воспел и ее восславил могилу,
 Лучше которой едва ли обрящется в целой Вселенной.
 Стоит, пожалуй, добавить и слово о пользе Электра. 275 *Достоинства*
 Лучшее изо всего, что в Электре, — и суть, и приемыш: *янтаря.*

<i>Oleum Succini catharros et vertiginosis utile.</i>	Namque oleum ex isto stillatur nobile succo, Auxilium variis morbis, medicinaque praesens. Si te discruciant gelidi sine sine catharri, Illine gutta olei caput alto in vertice, sistet Paulatim exsiccans, fluxus absumet et ipsos.	280
<i>Rotulae Sacharicu oleo Succini in-spersae languido cerebro et vertiginosis prosunt.</i>	Sic sachari rotulis de simplice more paratis, Si ternae (neque enim sachari plus libra requirit) Guttae inspergantur, permultum roboris addunt Languidulo cerebro. Vertigo crebro rotatum Cui caput infestat, rotulis se recreet istis. Discussunt etenim, incidunt flatusque repellunt, Atque vetant ne quid posit putredo nocere Visceribus naturae internis, spiritibusque	285
<i>Fumus Succini obstructionibus cerebri conducit [utiles].</i>	Quod si ipsam accendas massam, sumumque suavem Naribus excipias, aperiri crede meatus Obstructi cerebri. Massa contusus ab ista Pulis, et epotus gravidis insigne levarem	290
<i>Pulvis Succini parientibus [praegnantibus] mulieribus utilis [conducibilis].</i>	Matribus esse folet: nam partum promovet ipsum. Sunt plures laudes succi huius, pluraque dona Quae nunc praetereo, et Medicis referenda relinquo. Haec ego dum veni populosam nuper in urbem Cracoviam, bifido quam praeterit Istula flexu, Saluo iudicio alterius publicanda putavi ³³ . Nunc vos ingenia praestante arte Polonos Queis amor est patriae, quibus otia pluraque restant,	295
<i>Apostrophe ad excitanda ingenia ut de causis Salis-</i>		300

Ведь с источаемым соком на свет благородное масло
 Вместе выходит, лекарство от многих болезней.
 Если тебя бесконечный холодный катар изнуряет,
 Малую толику масла возьми и помажь им макушку — 280
 И постепенно, иссушен, поток сам себя уничтожит.
 Вот тебе способ обычный пилюли из сахара сделать:
 Если ты три (ибо больше не требует сахара либра)
 Капли отмеришь — получится верное средство, чтоб силы
 Дать утомленному мозгу. Страдая от частых вертиго, 285
 Вспомни об этих кружочках — и ими здоровье поправишь.
 Ветры они прерывают, рассеяв их, прочь изгоняют
 И не дают совершаться процессам гниения в теле,
 Вред наносящим и органам нашим, и жизненным силам.
 В случае, если, зажегши кусочек, его благовонье 290
 Носом вдохнешь — то, поверь мне, тем самым наладишь работу
 Мозга сосудов закупоренных. Истолчивши толику,
 Будешь иметь порошок, для беременных лучшее средство
 Женщин, как только им время рожденья плода подоспело.
 Много еще есть похвальных речей для чудесного сока — 295
 Если не все произнес, их врачам досказать оставляю.
 В пору, когда я пришел в многлюдством отмеченный город
 Краков, — близ стен его Истула³² катит, раздвоив, потоки, —
 Книгу о всем, что изложено мною, задумал — однако
 Нет в ней итога. Что ж, ныне Поляков науки познашь 300
 Вы превзойдите своим, вы, чье отдано родине сердце,

Использование янтарного масла при катарах и головокружениях.

Сахарные диски, окропленные янтарным маслом, полезны для вялого мозга и для страдающих головокружениями.

Дым от янтаря при закупорке сосудов головного мозга полезен.

Янтарный порошок [беременным] рожаящим женщинам полезен.

Апострофа, для ободрения дарований к исследованию природы

fodinarum Cracoviensium naturalibus disquirant.

Quam mihi, qui varias huc illuc mittor in oras
Invito, ut rerum occasus scrutemini et ortus,
Cur sale concreti Velicenses undique montes,
Tam longo tractu, et vasto pandantur hiatu?

305

Salis fodinae Cracovienses miraculosae.

Dum sal tot feclis hominis rimantur, et orbem
Paene novum aedificant, tiffosso monte, minorem:
Nec finem inveniunt. Tanto se robore miscet,
Spiritus intus agens, naturaeque alma facultas.
Majestas veneranda loco: vis grandius extat
Mundo miraculum, coelesti numini plenum.

310

FINIS

Вы, кто счастливей меня, ибо больше досуга имеет,
Нежели я, без конца посылаемый в разные страны
Воле противно своей, и, дотошно исследовав вещи
Этой закат и восход³⁴, рассудите: Величские горы³⁵,
305
Что происходят из соли, столь длинную тянутся цепью
И изобилуют столь ущельями, — в чем тут причина?
Ныне уж много сменилось людских поколений, и соли
Столько уже извлекли, что возник целый город подземный,
Соли ж всё нету конца. Вот что делает духа смешенье, 310
Что пребывает внутри, и живительной силы Природы
Чтить подобает величие в месте сем дивном; а чудо
Большее в Мире — сам Мир, Небесной исполненный волей.

и причин возникновения Краковских соляных копий.

Удивления достойные соляные копи близ Кракова.

К О Н Е Ц

EPITAPHIUM, anno 1594

ab ipso auctore graviter decumbente, exstructum
et post ejus obitum in Chartophylacio repertum,
quod ad sepulchrum suum erigi, his verbis
jam tum mandavit:

Haec quando Dei Voluntas sive nunc,
sive deinceps ita statuet, ad posteros
extare debebunt monimenti loco

Hic jaceo Daniel Hermann de gente Borussa
Natus, ubi patrios Nida pererrat agros.
Erudiit puerum Argentinae Ludus; at Albus
Möns Juvenem expoliit; Caesaris Aula virum.
Hinc cupidum plures me rerum discere casus
Dantiscum voluit Regia castra sequi.
Haec sequor: atque urbis commissa negotia tractans
Civica, militibus saepius aera fero.

ЭПИТАФИЯ, в год 1594

самим автором, лежащим на одре, созданная
и после его кончины в Хранилище рукописей
найденная, каковую для воздвижения себе
гробницы такими словами поручил:
Когда на то Божья Воля будет, нынче ли,
позже ли на воздвигнутом памятнике
должно запечатлеть для потомков

Здесь я лежу, Даниэлиус Херман, рожденный в Борусском
Племени, отчие там Нида³⁶ пронзает поля.
Мальчиком был в Аргентине³⁷ обучен; где пики Монблана,
Юный воспитывал ум³⁸; мужем служил королю.
Жадный к познанию многих предметов, оттуда стремился
Вслед за Дантиском³⁹ попасть в кесарев воинский стан⁴⁰.
Вывел итог: что трудами гражданскими город достигнет,
Воины часто берут медью без лишних трудов.

Inde ubi Victori Stephano Livonia cessit,
Pulsus ab hac terra Moschus et hostis erat:
Me quoque Rex inter Livones vivere jussit,
Contulit et studiis praemia larga meis.
Hic igitur vixi: Conjux mihi ductaque Rigae est
Ursula Krögero Foemina patre sata.
Moribus excultis, pietate et praedita multa,
Inque meos nutus officiosa fuit.
Qui nos concordem vitam conjunxit in ista,
Jungat in extremo nos Deus ille die.
Me tandem Riga aggeribus vallata recepit
Atque mihi requiem praebuit et tumultum.
Inveni portum: Spes et Fortuna valete.
Inveni in Christi gaudia viva sinu.
Absolvi miserae tandem ludibria vitae
Expertus mortis vulnera: Vivo tamen.
Vivendo didici, didici moriendo voluptas
Quanta sit in solum Spem posuisse Deum.
Nimirum requie Christi mihi sanguine parta
Perfruo et Spes est nunc rata facta mihi.
Vivite felices, quotquot didicistis, amici,
Quid prosit, soli fidere posse Deo.
Vixi et quem dederas cursum mihi, Christe, peregi.
Nec mihi Vita brevis, nec mihi longa fuit.

После того, как Ливонию Стефан победой присвоил,
Прочь Московитов прогнав, в этой остался земле:
Жить средь Ливонских племен повеленьем Батория было;
Царь за усердь в трудах службой меня наградил.
Как оказался я здесь? Привела меня в Ригу супруга,
Крёгер Урсула, отца доброго добрая дочь.
Нравом она совершенна, смиренна и набожна сердцем;
Истинно, что для меня вышнюю волей была.
Судьбы свои сочетав, мы одною согласной душою
Богом отмеренный срок жизни земной провели.
Видишь: опять окружен я валами и стенами Риги:
Холм, над которым стоишь, — ныне мой вечный покой.
Пристани верной достиг: помогли мне Надежда с Удачей.
Смог обрести во Христе жизни блаженной сосуд.
Вот, наконец, и спасен от не знающей жалости Жизни,
Смерти изведав укус; вот, наконец, и живу.
Что же я понял, живя? Научился чему, умирая?
Только одно: уповать нужно на Бога во всём.
Ныне мои упованья исполнились; кровью Христовой
Был я искуплен и с Ним Радости райской вкусил.
Для достиженья блаженства и в здешней, и в будущей жизни,
Многих познаний, друзья, Вера полезней одна.
Путь свой прошел, претерпев всё, что послано Господом, Херман.
Долгою жизнь не была и не была коротка.

Примечания

¹ Яскус Геданий — Пауль Яски из Данцига, подробнее о нем см. во вводной статье.

² Нефть (*Naphtha*) — жидкий битум, который, затвердевая, превращается в янтарь.

³ Апеллес Косский — древнегреческий живописец эллинистического периода, друг Александра Македонского.

⁴ О том, что янтарь рождается «из пены моря Северного Океана», писал Джероламо Кардано — итальянский математик, философ и медик. Впоследствии он скорректировал это суждение, добавив, что янтарь появляется не из пены обычного моря, но из пены крупных морских животных. Поэтому янтарь и амбру собирают в тех местах, где много тюленей. Эту точку зрения Кардано приводит и критикует Северин Гёбель-старший в *De Succini Libri Duo*: «Ведь когда он сначала сказал, что янтарь рождается из пены моря Северного океана, подобно тому, как Пифей и Тимей считали, что янтарь представляет собой мусор застывшего моря, то Кардано затем, поправляя себя самого, утверждает, что он появляется не из пены обычного моря (ибо тогда его собирали бы в большем количестве и в любом месте), но из пены крупных морских животных. И что янтарь или амбру собирают в тех местах, которые избобилуют тюленями, или что там, где тюленей нет, то там не на-

ходят и янтаря». См.: *Göbel S. (der Ältere) De succini libri duo*. P. 11. Перевод с латинского В. А. Сычинского.

⁵ Миф о том, что янтарь — это застывшие слезы Гелиад, дочери Гелиоса и сестер Фаэтона, оплакивающих смерть брата, изложен Овидием в книге II «Метаморфоз».

⁶ Ср. у Эразма Стеллы: «Некоторые современные нам опытные исследователи полагают, что он [янтарь] струится под действием солнечного тепла из ила каких-то гор и застывает в травянистой и холодной почве, которая находится в основании этих гор; во время океанской бури он вырывается оттуда и выбрасывается на ближайшее побережье» (*Erasmii Stellae Libonothani De Borussiae Antiquitatibus Libri Duo*. Basileae, 1518. P. 15. Перевод с латинского В. А. Сычинского).

⁷ В издании 1600.

⁸ Начиная с классификации, разработанной Георгом Агриколой (*De natura fossilium*, 1546), в XVI—XVIII веках янтарь включали в раздел «Битумы» во всех геолого-минералогических сочинениях.

⁹ Андреас Аурифабер передает свидетельство Грегора Дункера, врача прусского герцога Альбрехта, который, по его словам, вместе с другими неоднократно в ясную безлунную ночь видел, как из недр земли что-то выстреливало в море желтовато-голубыми лучами, и полагал, что это янтарь. Аурифабер считал, что именно так выходит на поверхность воды битум. См.: *Aurifaber A.* Op. cit. Нумерация страниц отсутствует.

¹⁰ Подобное объяснение мы находим у Георга Агриколы (*De Natura Fossilium*, 1546) и у Северина Гёбеля-старшего (*De Succini Libri Duo*, 1565).

¹¹ В издании 1600 года: *Causae externae quomodo reptilia aliqua aut volatilia succino oblini possint*. При каких внешних обстоятельствах рептилии мгновенно в смоле завязнуть могли.

¹² Речь идет о воде, а в контексте поэмы — о жидкости (крови лягушки), заключенной в янтарь, которая струится внутри, переливаясь туда-сюда.

¹³ Делия — здесь Луна; одно из имен греческой богини Артемиды, считавшейся богиней молодой Луны.

¹⁴ Добавлена в изданиях 1600 и 1615 годов.

¹⁵ В изданиях 1600 и 1615 годов: *Causae internae, quomodo reptilia aliqua aut volatilia, aliaque Succino insit*. Внутренние причины, при коих рептилии с поспешностью, нет ли застряли в янтаре.

¹⁶ В издании 1593 года: *Sic quando eruca putrescit*.

¹⁷ В изданиях 1600 и 1615 годов: *Generatio varia, in terra et extra terram*. Происхождение различных существей, в земле и за ее пределами.

¹⁸ В изданиях 1600 и 1615 годов: *Tertia coniectura de ijs que in Succino arparent*. Третье предположение о том, как оные в янтаре проникли.

¹⁹ Строка отсутствует в изданиях 1583, 1593 годов.

²⁰ Черный камень (*lapis niger*) в геолого-минералогической классификации Георга Агриколы — так называемый «оловянный камень», касситерит. Агрикола неоднократно упоминает о больших черных камнях, из которых получают олово. Касситерит имеет зернистую структуру и может содержать внутри окаменелости.

²¹ Строка отсутствует в издании 1583 года.

²² Строка отсутствует в изданиях 1600 и 1731 годов.

²³ Фрагмент приведен в изданиях 1583 и 1593 годов.

²⁴ Леополис (*Leopolis*) — латинское название города Львова.

²⁵ Замостье — крепость в Польше, возведенная коронным гетманом Яном Замойским.

²⁶ Паннония (*Pannonia*) — одна из южно-дунайских областей Римской империи.

²⁷ Апострофа — риторическая фигура из речи в суде: обращение, направленное не к судье, а к противнику, оппоненту. — *Примеч. переводчика*.

²⁸ Имеется в виду комедия Аристофана «Лягушки».

²⁹ Мэониец — Гомер, которого считали уроженцем Меонии (Лидии). Вероятно, речь идет о пародийной поэме «Батрахомомахия» («Война мышей и лягушек»), которую вплоть до раннего Нового времени приписывали Гомеру. См.: *Эллинские поэты*. М., 1999. С. 417—423 (перевод М. Альтмана). Царь лягушек Вздулморда нечаянно утопил мышонка Крохобора, которого перевозил на своей спине. Это послужило поводом для войны между мышами и лягушками, в которую были вовлечены боги Олимпа. В итоге с помощью посланных Зевсом раков лягушки одержали победу.

³⁰ Аония — часть Беотии, области в Средней Греции, а также поэтический эпитет Беотии.

³¹ Фрагмент приведен в изданиях 1600 и 1731 годов.

³² Истула (*Istula*) — латинское название Вислы.

³³ В изданиях 1600, 1731: *Iudicio alterius saluo, excudenda putavi*.

³⁴ Т. е. с начала и до конца, досконально. — *Примеч. переводчика*.

³⁵ Соляные шахты в Величке близ Кракова.

³⁶ Нида (*Nida, Neide*) — река, которая протекает через Найденбург, город, в котором родился Херман.

³⁷ Аргентина (*Argentina*) — гимназия Иоганна Штурма в Страсбурге, в которой учился Херман; от латинского наименования города — Аргенторатум (*Argentoratum*).

³⁸ Херман учился в Базеле, который находится относительно недалеко от пиков горной цепи Монблан (Западные Альпы).

³⁹ Дантиск — данцигский, выходец из Данцига (лат. *Dantis-canus*), друг Хермана Тидеман Гизе. Также учился в гимназии Иоганна Штурма. Впоследствии польский дипломат и королевский секретарь Сигизмунда II Августа и Стефана Батория; был доверенным лицом Яна Замойского.

⁴⁰ Речь идет о военных походах короля Стефана Батория, в которых принимал участие Херман.

Библиография

Acta Borussica ecclesiastica, civilia, literaria oder sorgfältige Sammlung allerhand zur Geschichte des Landes Preussen gehöriger Nachrichten, Urkunden, Schriften und Documenten. Königsberg; Leipzig Christoph Gottfried Ekkart, 1731.

Agricola G. De Natura Fossilium. Basiliae : Froben, 1546.

Andrée K. Der Bernstein und seine Bedeutung in Natur- und Geisteswissenschaften, Kunst und Kunstgewerbe, Technik, Industrie und Handel. Königsberg (Pr.) : Gräfe und Unzer, 1937.

Aurifaber A. Succini historia: ein kurtzer, gründlicher Bericht, woher der Agtstein oder Börnstein ursprünglich komme, dass er kein Baumhartz sey, sonder ein geschlecht des Bergwachs, und wie man jnen manigfaltiglich in artzneien möge gebrauchen. Durch Andream Aurifabrum Vratislaviensem, Medicum. Königsberg in Preussen : Hans Lufft, 1551.

Bock F.S. Versuch einer kurzen Naturgeschichte des Preußischen Bernsteins und einer neuen wahrscheinlichen Erklärung seines Ursprunges, Königsberg: J. D. Zeisens Wittwe und J. H. Hartungs Erden, 1767.

Celtis C. De rana cum musca in succino involutis // Fünf Bücher Epigramme. Berlin: Calvary, 1881. S. 13.

C. W. Hufelands Journal der practischen Heilkunde. 1839. Bd. 88.

Frisch M. Daniel Hermann De vita literata sive scholastica. URL: <https://uni-marburg.academia.edu/MagnusFrisch/Conference-Presentations> (дата обращения: 28.11.2014).

Freytag H. Die Preussen auf der Universität Wittenberg und die nicht-preussischen Schüler Wittenbergs in Preussen von 1502 bis 1602. Leipzig : Duncker & Humblot, 1903.

Gadebusch F.K. Daniel Hermann // Liefländische Bibliothek nach alphabetischer Ordnung. Riga : Johann Friedrich Hartknoch, 1777. Th. 2. S. 52—64.

Göbel S. (der Ältere) De succino libri duo // Gesner C. De omni rerum fossilium genere, gemmis, lapidibus, metallic / opera Conradi Gesneri, quorum catalogum sequens folium continent... Tiguri : Jakob Gesner, 1565—1566. (Нумерация страниц приведена в рамках каждого сочинения, вошедшего в сборник).

Göbel S. (der Ältere) Pia commonefactio de passione, resurrectione ac beneficii christi, quae in historia succini depinguntur. huic vera de origine Succini addita est sententia. Autore Seuerino Goebelio. Med. Doctore. Oberursel : Heinrich, Nikolaus d.Ä., 1558.

Göbel S. (der Jungere) Einfältiger jedoch gründlicher Bericht und Bedenken, vom Ursprung der Agadt oder Bö[e]rnsteins, woher derselbige komme, und in wasserlen Krankheit er gebrauchet, wie

auch von dem Öl so daraus distiliert wird. Königsberg : Johann Schmidt, 1616.

Hermann D. De Rana et Lacerta Succino Prussiaco insistis. Discursus Philosophicus. Ex quo sumi potest, de causis Salisfodinarum Cracoviensium naturalibus ratio cinandi. Cracoviae, 1583.

Hermann D. De Rana et Lacerta Succino Prussiaco insistis. Discursus Philosophicus // Crato von Crafftheim J. Consiliorum, et Epistolarum Medicinalium... Francofurti : apud haereditas Andreae Wecheli, Claudium Marnium, & Ioan. Aubrium, 1593. Liber quartus. P. 465—472.

Hermann D. De Rana et Lacerta Succino Prussiaco insistis // Crato von Crafftheim J. Consiliorum, et Epistolarum Medicinalium... Hanoviae : Typis Wechelianis apud haereditas Ioh. Aubrii, 1614. Liber quartus. P. 465—472.

Hermann D. Poemata. Rigae Livonum : per Nicolaum Mollinum, 1600.

Hermann D. Poemata Academica, Aulica, Bellica. Rigae Livonum : per Nicolaum Mollinum, 1614—1615.

Kentmann J. Rerum fossilium, que in Musnia praecipue, et in aliis quoque regionibus inveniuntur // Gessner C. De omni rerum fossilium genere, gemmis, lapidibus, metallic / opera Conradi Gesneri, quorum catalogum sequens folium continent... Tiguri : Jakob Gesner, 1565—1566. P. 1—96.

Klobius J. F. Ambrae Historiam ad Omnipotentis dei Gloriam, et Hominum Sanitatem. Wittenbergae : Matthaei Henckelli, 1666.

Koehne's Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappenkunde. Sechster Jahrgang. Mit XII Kupfertafeln. Berlin; Posen; Bromberg : E. S. Mittler, 1846.

Lawenda T. Literacki wizerunek Jana Zamoyskiego — uczestnika kampanii moskiewskich Stefana Batorego — w dziełach pisarzy schyłku XVI wieku // *Senoji Lietuvos literatūra*. 2011. Kn. 32. S. 15—56.

Miscellanea Cratoniana Medica: Mischling allerhand Artzeneyischer Rath und Hilffmittel. Auß den Schrifften/ Deß Edlen/ Hochgelehrten und Weitberühmten Herren Iohann Crato von Krafftheim. Frankfurt am Meyn : Unckel ; Speyer : Georg Baumeister, 1629. S. 231—237

Moryson F. An itinerary written by Fynes Moryson Gent, containing his ten yeers travell. Glasgow : University of Glasgow, 1908. Vol. 4.

Peucer K. Propositiones de origine et causis succini Prussiaci. Wittebergae : excudebat Iohannes Crato, 1555.

Pisanski G. Ch. Nachricht von dem preussischen Dichter Daniel Hermann, teils aus den eigenen Schriften desselben, teils aus andern Quellen zusammengetragen. Königsberg, 1758. 4.

Porta G. B. Natural Magick in XX Books. London : R. Gaywood, 1658.

Recke J. F. von, Napiersky C. E., Beise Th. Hermann (Daniel) // Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Mittau : Johann Friedrich Steffenhagen und Sohn, 1829. Bd. 2. S. 256—259.

Sendel N. Historia Succinorum corpora caliena involventium, et natura opere pictorum et caelatorum. Lipsiae : Io. Fridericum Gleditschium, 1742.

Schiemann Th. Daniel Hermann. Ein livländischer Humanist // Historische Darstellungen und Archivalische Studien. Beiträge zur Baltischen Geschichte. Hamburg; Mitau : Behre, 1886. S. 52—74.

Starnawski J. Poems of Daniel Hermann Borussus on the Foundation of the University of Zamość (1594) // *Humanistica Lovaniensia. Journal of neo-latin studies.* 1977. Vol. 26. P. 204—219.

Tesdorpf W. Gewinnung, Verarbeitung und Handel des Bernsteins in Preußen von der Ordenszeit bis zur Gegenwart. Eine historisch-volkswirtschaftliche Studie. Jena : Gustav Fischer, 1887.

Wecker J. Eighteen Books of the Secrets of Art and Nature, being the Summe and Substance of Natural Philosophy, methodologically digested... London : Simon Miller, 1661.

Zanders O. Daniels Hermanis — Dancigas un Rīgas humānists un dzejnieks (1543—1601) // *Bibliotēku pasaule.* 2011. № 53. Lpp. 86—90.

Азрикола Г. О горном деле и металлургии в двенадцати книгах. М. : Изд-во АН СССР, 1962.

Гаспаров М. Л. Вергилий — поэт будущего // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М. : Художественная литература, 1979.

Зверева В. В. Модели естественной истории // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / отв. ред. Л. П. Репина. М. : Кругъ, 2008.

Лукиан. О Янтаре, или О Лебедях / пер. с древнегреч. К. М. Колобовой // *Сочинения.* СПб. : Алетейя, 2001. Т. 1.

Марк Валерий Марциал. Эпиграммы. СПб. : Изд-во АО «КОМПЛЕКТ», 1994.

Полякова И. А. Иоганн Полиандер (1487—1541): гимн янтарю. Калининград : Калининградский областной музей янтаря, 2012.

Публий Овидий Назон. Метаморфозы // Собрание сочинений. СПб. : Биографический институт «Студия Биографика», 1994. Т. 2. С. 5—344.

Щуровский Г. Е. Янтарные острова на Балтийском море // Атений. Журнал критики, современной истории и литературы. 1858. № 5.

Эллинские поэты. М. : Ладомир, 1999.

Указатель имен

- Август II (Младший) Брауншвейг-Вольфенбюттельский (*August II (der Jüngere) Braunschweig-Wolfenbüttel*; 1579—1666) 54, 55, 101
Агрикола (Бауэр) Георг (*Agricola (Bauer) Georgius*; 1494—1555) 41, 58, 60—63, 68, 75—77, 101—102, 143—144, 146, 150
Александр Македонский (Ἀλέξανδρος; 356—323 гг. до н. э.) 142
Альбрехт Прусский (Бранденбург-Ансбахский) (*Albrecht von Preußen (von Brandenburg-Ansbach)*; 1490—1568) 6, 39, 43, 45, 69, 94, 143
Альдрованди Улиссе (*Aldrovandi Ulisse*; 1522—1605) 70, 102
Альтман Моисей Семёнович (1896—1976) 145
Андре Карл Эрих (*Andrée Karl Erich*; 1880—1959) 98, 146
Апеллес (Ἀπελλῆς; ок. 370—306 гг. до н. э.) 112—113, 142
Апель Иоганн (*Apel Johann*; 1486—1536) 39, 112
Аристофан (Ἀριστοφάνης; 444—387/380 до н. э.) 132—133, 144
Аурифабер (Гольдшмидт) Андреас (*Aurifaber (Goldschmidt) Andreas*; 1513—1559) 32, 41, 43—45, 55, 60, 62, 68—69, 71, 74, 97, 99, 103, 143, 146
- Байзе Теодор Генрих (*Beise Theodor Heinrich*; 1818—1878) 96, 149
Барберини Франческо (*Barberini Francesco*; 1597—1679) 56
Багори Сигизмунд (Жигмонд) (*Báthory Zsigmond*; 1572—1613) 39, 40, 44, 46
Берг Иоахим фон (*Berg Joachim von*) 18
Бёмер Георг Рудольф (*Böhmer Georg Rudolf*; 1723—1803) 71, 103

Блок Александр Александрович (1880—1921) 78
Бок Фридрих Самуэль (*Friedrich Samuel Bock*; 1716—1785) 100, 146
Бюде Гийом (*Budé Guillaume*, 1468—1540) 25

Веер Мартин (*Weher Martin*) 30
Веcker Иоганн Якоб (*Wecker Johannes Jacob*; 1528—1586) 50, 100, 150
Вергилий (Публий Вергилий Марон) (*Publius Vergilius Maro*; 70—19 до н.э.) 65, 79, 87—88, 103, 150
Виганд Иоганн (*Wigand Johann*; 1523—1587) 16
Винченцо I Гонзага (*Vincenzo I Gonzaga*; 1562—1612) 49
Владислав IV Ваза (*Władysław IV Waza*; 1595—1648) 56

Гадебуш Фридрих Конрад (*Gadebusch Friedrich Konrad*; 1719—1788) 95, 147
Гай Плиний Цецилий Секунд (*Gaius Plinius Caecilius Secundus*; ок. 61—113) 88
Гартман Филипп Якоб (*Hartmann Philipp Jacob*; 1648—1707) 71
Гаспаров Михаил Леонович (1935—2005) 3, 80, 103, 150
Генрих Николай (*Henricus Nikolaus*) 42
Генрих III Валуа (*Henri III de Valois*; 1551—1589) 28
Георг Фридрих I (*Georg Friedrich I*; 1539—1603) 49
Гесиод (Ἡσίοδος; VIII—VII вв. до н.э.) 79
Гесснер Конрад (*Conrad Gefßner / Gesner*; 1516—1565) 75—76, 101, 103
Гёбель-младший Северин (*Göbel Severin der Jüngere*; 1569—1627) 48—49, 68, 71, 100, 147
Гёбель-старший Северин (*Göbel Severin der Ältere*; 1530—1612) 41—43, 59—60, 62, 64—65, 67—68, 71, 75, 99, 101—102, 142—143, 147
Гигуер Габриель (*Gieguer Gabriel*) 16, 24
Гизе Тидеман (*Giese Tiedemann*; 1543—1582) 20, 23, 145
Гомер (Ὅμηρος; VIII в. до н.э.) 79, 132—133, 145
Гораций (Квинт Гораций Флакк) (*Quintus Horatius Flaccus*; 65—8 до н.э.) 87
Гринеус Самуэль (*Grynäus Samuel*; 1539—1599) 23

Гринеус Симон (*Grynäus Simon*; 1493—1541) 40
Гуфеланд Христоф Вильгельм (*Hufeland Christoph Wilhelm Friedrich*;
1762—1836) 74, 103, 147

Дворецкий Иосиф Хананович (1894—1979) 103
Державин Гавриил Романович (1743—1816) 92
Дионисий 75
Дона Фабиан фон (*Dohna Fabian von*; 1550—1621) 16
Дора Жан (*Dorat Jean*; 1508—1588) 28
Дудич Андраш (*Dudith András*; 1533—1589) 40
Дункер Грегор (*Duncker Gregor*) 143

Желонкина Анна Вячеславовна 9, 98, 100, 102

Замойский Ян (*Zamoiski Jan*; 1542—1605) 23, 32, 34—36, 75, 96,
128—129, 144—145
Зандерс Оярс (*Zanders Ojärs*; p. 1931) 150
Зверева Вера Владимировна 101, 150
Зеemann Вильгельм (*Seemann Wilhelm*) 16, 24
Зендель Натанаэль (*Sendel Nathanael*; 1686—1757) 71, 101, 149

Иван Грозный (1530—1584) 95

Кальвин Жан (*Calvin Jean*; 1509—1564) 94
Камерарий Филипп (*Camerarius Philipp*; 1537—1624) 23
Кардано Джироламо /Джироламо (*Cardano Gerolamo / Girolamo*;
1501—1576) 60, 142
Карл IX (*Charles IX*; 1550—1574) 28—29
Кверенги Антонио (*Querenghi Antonio*; 1546—1633) 35, 70, 105—107
Кентман Иоганн (*Kentmann Johannes*; 1518—1574) 53, 55, 76—77,
100, 103, 148

Кетлер Госвин (*Kettler Goswin*; 1550—1610) 24
Кетлер Готхард (*Kettler Gotthard von*; 1517—1587) 21, 24
Кирхер Афанасий (*Kircher, Athanasius* 1602—1680) 54—55, 58, 101
Клобиус Юстус Фидус (*Klobius, Justus Fidus*) 70, 782, 102, 148
Колиньи Гаспар де (*Coligny Gaspard de*; 1519—1572) 29, 96
Колобова Ксения Михайловна (1904—1977) 103, 150
Кордус Валерий (*Cordus Valerius*; 1515—1544) 60, 68
Крато фон Крафтхейм Иоганн (*Crato von Krafftheim Johannes*; 1518—1585) 17—18, 34, 37—38, 43—44, 97—98, 148—149
Крейгере-Лиепиня Лаура (*Kreigere-Liepiņa Laura*; р. 1980) 10, 96
Крёгер Урсула (*Kröger Ursula*) 20—21, 30, 36, 140—141
Кундман Иоганн Христиан (*Kundmann Johann Christian*; 1684—1751) 56, 101

Лавенда Томаш (*Lawenda Tomasz*) 93, 96, 149
Лилиенталь Михаэль (*Lilienthal Michael*; 1686—1750) 36
Лифтрий Генрих (*Liftrius Heinrich*) 24
Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) 92
Лукиан из Самосаты (Λουκιανὸς ὁ Σαμοσατεύς; 120 — после 180) 75, 103, 150
Лукреций (Тит Лукреций Кар) (*Titus Lucretius Carus*; ок. 99 до н. э. — 55 до н. э.) 35, 75
Лютер Мартин (*Luther Martin*; 1483—1546) 13, 94

Магенбух Иоганн (*Magenbuch Johann*; 1487—1546) 69
Максимилиан II (*Maximilian II*; 1527—1576) 16—18, 28—29, 43
Марциал Марк Валерий (*Martialis Marcus Valerius*; ок. 40 — ок. 104) 38, 53, 74, 87, 98, 151
Маттиоли Пьетро Андреа Грегорио (*Mattioli Pietro Andrea Gregorio*; 1501—1577) 102
Меланхтон (Шварцэрд) Филипп (*Melancthon (Schwartzertd) Philipp*; 1497—1560) 13

Мениус Матиас (*Menius Matias*; 1544—1601) 43
Минквиц Каспар фон (*Minckwitz Caspar von*) 16—18, 24
Моллин Николаус (*Nicolaus Mollyn*; ок. 1550/1555—1625) 34, 36, 148
Морисон Финес (*Moryson Fynes*; 1566—1630) 48, 100, 149

Напирски Карл Эдуард фон (*Napiersky Carl Eduard von*; 1793—1864) 96, 149
Никандр 75
Никий (*Nikias*; ок. 469—413 гг. до н.э.) 75

Овидий (Публий Овидий Назон) (*Publius Ovidius Naso*; 43 до н.э.—17/18 н.э.) 31, 80, 88, 143, 151
Опиц Мартин (*Opitz Martin*; 1597—1639) 82, 84
Осиандер (Хоземан) Андреас (*Osiander [Hosemann] Andreas*; 1498—1552) 94

Павел из Эгины (*Aegineta Paulus*; VII в.) 67, 68
Парацельс (Гогенгейм) Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон (*Paracelsus [Hohenheim] Philippus Aureolus Theophrastus Bombast von*) 1493—1541) 14
Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) 78
Пейцер Каспар (*Peucer Kaspar*; 1525—1602) 41, 44, 99, 149
Петровский Фёдор Александрович (1890—1978) 98
Пизански Георг Кристоф (*Pisanski Georg Christoph*; 1725—1790) 93, 149
Питшафт Якоб Адольф (*Pitschaft Jakob Adolf*; ? — 1848) 71
Плиний Старший (Гай Плиний Секунд) (*Gaius Plinius Secundus*; 23—79) 67, 75
Полиандер (Граман; Грауман) Иоганн (*Poliander [Gramann; Graumann] Johannes*; 1487—1541) 39, 53, 98, 151
Полякова Ирина Александровна 8, 11, 30, 98, 151
Порта Джамбаттиста (Дживованни Баттиста) делла (*Porta Giovanni Battista della*; 1535—1615) 52—53, 65, 100, 102, 149
Порший Генрих (*Porschius Heinrich*) 24

Радзивилл Христофор (Сиротка) (*Radziwill Christophorus*; 1549—1616) 22—23

Радзивилл Юрий (*Radziwill Georg (Jerzy)*; 1556—1600) 95

Реке Иоганн Фридрих, фон (*Recke Johann Friedrich von*) 96, 149

Репина Лорина Петровна 101, 150

Розенберг Доротея (*Rosenberg Dorothea*; ? —1537) 45

Рудольф II (*Rudolf II*; 1552—1612) 18, 28

Сатир 75

Сеттала Манфредо (*Settala Manfredo*; 1600—1680) 55

Сеферис Йоргос (Σεφέρης Γιώργος; 1900—1971) 3

Сигизмунд II Август (*Zygmunt II August*; 1520—1572) 94, 145

Скварчиалупи Марчелло (*Squarcialupi Marcello*; ок. 1539—1592) 39—40

Скиппон Филип (*Skippon Philip*; 1641—1691) 55

Спероне Сперони дельи Альваротти (*Sperone / Speroni degli Alvarotti*; 1500—1588) 35

Старнавски Ежи (*Starnawski Jerzy*; 1922—2012) 95—96, 150

Стелла Эразм (Штюлер Иоганн) (*Stella Erasm; Stüler Johann*; 1460—1521) 41, 67—68, 143

Стефан Баторий (*Stefan Batory*; 1533—1586) 19—20, 22—23, 29, 32, 39, 93, 95—96, 140—141, 145, 149

Сыроватко Лада Викторовна 78, 98, 99

Сычинский Виталий Алексеевич (р. 1940) 95, 97—98, 100—102, 143

Тайминя Аяя (*Taimiņa Aija*; р. 1962) 10, 96

Тесдорпф Вильгельм (*Tesdorpf Wilhelm*) 45, 99, 100, 150

Фабриций Пауль (*Fabricius Paul*; 1529—1589) 24, 38

Филипп Гессенский (*Philipp von Hessen*; 1504—1567) 42

Филоксен 75

Фрайтаг Герман Карл Эрнст (*Freytag H.Hermann Karl Ernst*) 93, 99, 147

Фриш Магнус (*Frisch Magnus*) 96, 147
Херман Андреас (*Hermann Andreas*) 11, 15, 18
Херман Иоганн (*Hermann Johann*) 11, 15—16, 42
Хильхен (Хеликоний) Давид (*Hilchen (Heliconius) David*; 1561—1610) 26, 98

Цвингли Ульрих (*Zwingli Ulrich*; 1484—1531) 94
Цельтис Конрад (*Celtis Conrad/ Konrad*; 1459—1508) 39, 98, 147
Циглер Георг (*Ziegler Georg*) 24

Шервинский Сергей Васильевич (1892—1991) 31
Шиман Теодор (*Schiemann Theodor*; 1847—1921) 13, 15, 93—94, 150
Шольц Розенау Лоренц / Лаврентий фон (*Lorenz Scholz von Rosenau; Scholtz Laurentius*; 1552—1599) 34, 36, 44
Штурм Иоганн (*Sturm Johann*; 1507—1589) 12, 14, 23, 75, 145

Щуровский Григорий Ефимович (1803—1884) 51, 100, 151

Эописий Каспар (*Eopisius Caspar*) 24
Эразм Роттердамский (Дезидерий) (*Erasmus Roterodamus, Desiderius/ Gerrit Gerritszoon*; 1469—1536) 14
Эраст Томас (*Erastus Thomas*; 1524—1583) 40

Ютнер Г. (*Jüttner H.*) 38

Яски Андреас (*Jaski Andreas*; ?—1632) 45, 49
Яски Израэль (*Jaski Israel*; ?—1572) 45
Яски Маркус (*Jaski Marcus*; 1535/1537—1564) 45
Яски Пауль (*Jaski Paul*; 1495—1564) 44—46, 85, 106—107, 110—111, 142
Яски Пауль (*Jaski Paul*; ?—1584) 45

Содержание

<i>Слово о янтаре</i>	5
<i>Предисловие</i>	9
<i>Полякова И. А.</i> Краткий очерк интеллектуального путешествия Даниэля Хермана.....	11
<i>Полякова И. А.</i> «Так много тайн природы не изучено»: поэма о янтаре, или философское рассуждение без итога.....	31
<i>Сыроватко Л.В.</i> «De Rana et Lacerta...» Даниэля Хермана: впервые на русском.....	78
<i>Примечания</i>	93
Антонио Кверенги. К Лягушке и Ящерице, заключенным в янтарь (пер. с лат. Л. В. Сыроватко) ...	106
Даниэль Херман. О Лягушке и Ящерице, застрывших в прусском янтаре (пер. с лат. Л. В. Сыроватко).....	110
Даниэль Херман. Эпитафия (пер. с лат. Л.В. Сыроватко).....	138
<i>Примечания</i>	142
<i>Библиография</i>	146
<i>Указатель имен</i>	152

Научное издание

Серия «Слово о янтаре»

**Даниэль Херман
О ЛЯГУШКЕ И ЯЩЕРИЦЕ,
ЗАСТРЯВШИХ В ПРУССКОМ ЯНТАРЕ**

*Под редакцией И. А. Поляковой
Переводы с латинского языка Л. В. Сыроватко*

*Корректор Н. Н. Мартынюк
Вёрстка и оформление Е. М. Струкова, В. И. Саранинас*

Подписано в печать 18.12.2014. Формат 70×100^{1/32}
Тираж 500 экз. Заказ 933

Оригинал-макет подготовлен Творческой группой S—Media

Калининградский областной музей янтаря
236016, г. Калининград, пл. Василевского, 1

Отпечатано в типографии «Бизнес-Контакт»
Россия, г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18
Телефон (4012) 95–75–70, <http://www.biz-kon.ru>